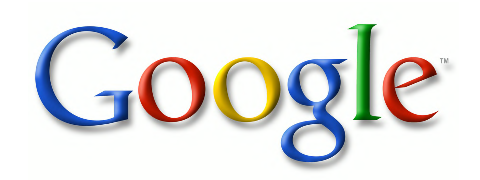

806
P765
UC-NRLF
$B 320 351
P G
3337
P7
E77
1832
MAIN
YB 56987

ЭРПЕЛИ

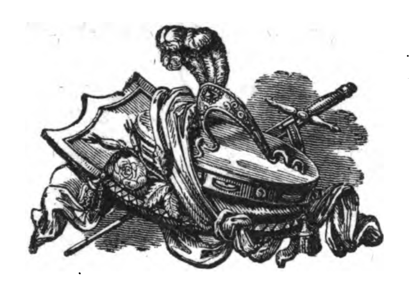
И

ЧИРЪ-ЮРТЪ.

ДВѢ ПОЭМЫ

А. ПОЛЕЖАЕВА.

Evil be to him that evil thinks.

МОСКВА.

Въ Типографіи Лазаревыхъ

Института Восточныхъ языковъ.

1832.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Января 12 дня, 1832 г.

Цензоръ С. *Аксаковъ.*

ВОИНАМЪ КАВКАЗА.

ЭРПЕЛИ.

ГЛАВА I.

Едва подъ Грозною (*) возникъ
Эѳирный городъ изъ палатокъ
И раздался привѣтный крикъ
Учтивыхъ Егерьскихъ солдатокъ:
»Вотъ булки, булки, Господа!«
И чистя ружья на просторѣ
Богатыри, забывши горе,
Къ нимъ набѣжали какъ вода;
Едва иные на форштатѣ,
Найти успѣли земляковъ
И за бесѣдою о сватѣ,
Иль о семействѣ кумовьевъ,
Въ сердечномъ Русскомъ восхищеньи,
И обоюдномъ поздравленьи,

(*) Крѣпость.

Вкусили счастіе сполна
За кварпіой краснаго вина;
Едва зацарствовала дружба, —
Какъ вдругъ, о, тягостная служба!
Приказъ по лагерю идетъ:
Сей часъ готовиться въ походъ!
Какъ вражья пуля пролетѣла
Сія убійственная вѣсть,
И съ лѣнью сильно зашумѣла
На мигъ воинственная честь.
»Увы! твердила лѣнь солдатамъ,
И отдохнуть вамъ не дано;
Вамъ, точно грѣшникамъ проклятымъ,
Всегда быть въ мукѣ суждено!
Давноль явились изъ похода,
И снова, батюшки, въ походъ;
Начальство только для народа
Смышляетъ трудъ да переводъ;
Пожить бы вамъ, хотя не много,
Подъ грозной крѣпостью друзья;
Нѣтъ, нѣтъ у Розена ни Бога,
Ни милосердья, ни меня!
Пойдете вы, шататься въ горы,
Чеченцы, бестіи и воры,

Уморятъ васъ безъ сухарей;
Спросите здѣшнихъ Егерей!..«
— Молчать, негодная розиня!
Въ отвѣтъ презрительно ей честь,
Я сердца Русскаго Богиня
И подавлю пятою лесть!
Ужель вы, братцы, изъ отчизны
Сюда спѣшили для того,
Чтобъ послѣ слышать укоризны
Отъ сослуживца своего:
»Они де, тамъ не воевали,«
А только спали на печи,
. . . .
Да въ селахъ ѣли колачи!
(Не воевали мы безспорно —
Есть время спать и воевать).
Вамъ былъ знакомъ лишь вѣтеръ горной,
Теперь пора и горы знать;
Вы цѣлой годъ здѣсь ѣли дули,
Арбузы, тёрнъ и виноградъ,
Теперь — прошу, отвѣдай пули,
Кто духомъ истинный солдатъ!
Винить начальство грѣхъ и глупо,
Оно, ей ей, умнѣе насъ,

И безъ причины вмѣсто супа
Въ котлы не льетъ гусиной квасъ.
Идите въ горы, будьте рады,
Пора патроны разстрѣлять,
За храбрость лестныя награды
Сочтутъ за долгъ вамъ воздавать;
А Е. . . прошу не вѣрить,
Хоть лѣнь сослалась на ихъ гуртъ,
Они привыкли землемѣрить
Одну дорогу: въ старой Юртъ. — (*)
Такъ честь солдатамъ говорила,
Паря надъ лагеремъ полка,
И лѣнь печально и уныло
Ушла, вздохнувъ издалека.

Внезапно ожили солдаты;
Вездѣ твердятъ: »въ походъ, въ походъ!«
Готовы. »Здраствуйте ребяты!«
—Желаемъ здравія! — И вотъ

(*) Старый Юртъ, маленькая крѣпость, въ 18 верстахъ отъ Грозной. Возлѣ самой крѣпости протекаютъ между горъ ручьи горячихъ минеральныхъ водъ.

Выходятъ роты. Солнце блещетъ
На грани ружей и штыковъ;
Крестъ на грудь — и какъ море плещетъ
Въ рядахъ походный гулъ шаговъ.
Вотъ Розенъ! .. Какъ глава отъ тѣла,
Онъ отъ дружинъ не отдѣленъ,
Его присутствіемъ несмѣлый
Козакъ и воинъ оживленъ!
Его сребристыя сѣдины,
Пріятны старымъ усачамъ,
Онѣ являютъ ихъ глазамъ
Давно минувшія картины,
Глубоко памятные дни!
Такъ прежде видѣли они
Багратіоновъ предъ полками,
Когда, готовя смерть и громъ,
Они, подъ Русскими орлами,
Шли защищать Романовъ домъ,
Возвысить блескъ своей отчизны,
Или къ безсмертью на пути
Могилу славную найти,
Для вѣчной и безсмертной Тризны!
Такъ прежде самъ онъ былъ знакомъ
Сѣдымъ служителямъ Беллоны,

Свои надежды, обороны
Они вторично видятъ въ немъ.

И полкъ устроенной громадой
По полю чистому валитъ,
И вѣтеръ свѣжею отрадой
Здоровыхъ путниковъ даритъ.
Все живо: здѣсь неугомонной
Гремитъ по волѣ барабанъ;
Тамъ хоры пѣсни монотонной:
Палъ на сине море туманъ!
Здѣсь *здраствуй милая*, съ скачками
Передоваго плясуна;
Веселый смѣхъ между рядами
И безъ запрету тишина;
Глубокомыслящіе Канты
И на Черкескихъ жеребцахъ
Въ доспѣхахъ горскихъ Адьютанты,
Крутя столпомъ летучій прахъ,
Сверкаютъ, вьються предъ глазами.
День вечерѣетъ; за горой
Съ полублестящими лучами
Исчезъ богъ свѣта золотой.

Луна серебряной лампадой
Виднѣетъ въ небѣ голубомъ;
Заря вечерняя прохладой
Пріятно вѣетъ надъ полкомъ.
Впередъ, впередъ — еще не много,
Близка до станціи дорога!
Вотъ ручеекъ горячихъ водъ....
Отбой!... оконченъ переходъ!...

ГЛАВА II.

Кто любитъ дикія картины
Въ ихъ первобытной наготѣ,
Ручьи, лѣса, холмы, долины,
Въ нагой природу красотѣ;
Кого плѣняетъ духъ свободы,
Въ Европѣ вышедшей изъ моды
Назадъ тому немного лѣтъ,
Того прошу, когда угодно,
. . . .
И въ аммуниціи походной
Идти за мной тихонько вслѣдъ.
Я покажу ему на свѣтѣ
Такихъ вещей оригиналъ
Которыхъ, вѣрно въ кабинетѣ
Онъ на ландкартахъ не видалъ;
А шедши фронтомъ на походѣ

Увидитъ ихъ по сторонамъ,
Какъ у себя на огородѣ
Чеснокъ и рѣдьку по грядамъ;
Я покажу ему съ улыбкой
На степи верстъ по пяти сотъ,
На коихъ изрѣдка ошибкой
Ковыль съ мордвинникомъ растетъ
И, разстилаясь въ день румяный,
Цвѣтникъ сей длинной полосой
Блеститъ, какъ океанъ багряный
Своей колючею красой.
Я покажу ему Титана,
Который сѣдъ и старъ какъ бѣсъ,
Въ огромной области тумана
Всегда въ войнѣ противъ Небесъ!
Изъ ребръ его окаменѣлыхъ,
Милльономъ волнъ олѣденелыхъ,
Шумятъ и лѣтомъ и зимой
Ручьи съ свирѣпой быстротой.
Напрасно жаръ полдневный пышетъ,
Сразясь съ тройнымъ его вѣнкомъ,
Сердитъ и пасмуренъ, онъ дышетъ
Одними вьюгами и льдомъ!
Кругомъ отъ моря и до моря,

Хребты гранита и снѣговъ,
Какъ Ельборусъ съ природой споря,
Стоятъ отъ бытности вѣковъ!
И непреступная сіяетъ
Изъ облаковъ ихъ высота,
Туда лишь дерзкая мечта
Съ царемъ пернатыхъ долетаетъ.
Потомъ, направивши слегка
Полетъ и взору и надеждѣ,
Я бъ показалъ сему невѣждѣ
Крутыя горы изъ песка,
Которыхъ около Валдая,
Разъ десять въ Питеръ проѣзжая,
Замѣтить вѣрно онъ не могъ.
А что за видъ! какой песокъ!
Куда вашъ славный Воробьевскій!
Какой нибудь писецъ Московскій
Не только бъ въ думѣ пожалѣлъ
Засыпать имъ свой бредъ плутовскій;
Но право бъ горсть тихонько съѣлъ!
Потомъ, пришедши съ нимъ на берегъ,
Я бъ показалъ ему Сулакъ,
Лихую Сунжу или Терекъ.
Не утерпѣлъ бы онъ никакъ,

Что бы не вскрикнуть: что такое,
Вода иль грязныя помои? (*)
Въ отвѣтъ—помилуйте, вода,
Сказалъ бы я ему невинно,
Попробуйте, она чиста,
Какъ въ Яузѣ или Неглинной!
Потомъ, любезному дружку,
Я показалъ бы лѣсъ фруктовой,
Въ которомъ съ дѣвушкой суровой
Сойтись опасно пастушку
За тѣмъ, что слишкомъ малъ въ округѣ,
Верстъ десять только есть къ услугѣ,
Да и довольно некрасивъ:
Изъ грушей, персиковъ и сливъ!
Спросилъ бы я его учтиво,
Давноль онъ прибылъ изъ столицъ,
Ѣдятъ ли тамъ въ Іюнѣ сливы
Безъ покровительства теплицъ?
На всѣ вопросы таковые
Глазища выпуча большіе

(*) Всѣ рѣки на Кавказѣ чрезвычайно быстры и мутны.

Стоялъ бы онъ передо мной,
Какъ Сивка Бурка предъ Бовой,
Или какъ листъ передъ травой;
А я, въ досужный часъ отъ скуки
Въ Костекахъ или Ташкичу
Его ударя по плечу
И взявши дружески за руки,
Зашелъ бы съ нимъ за буеракъ
И, сѣвши рядомъ, началъ такъ:
»Мой милый! очень натурально
Вамъ всѣмъ, столичнымъ пѣтушкамъ,
Изъ залы вышедъ танцовальной,
Дивиться здѣшнимъ чудесамъ.
Вамъ все здѣсь ново, все забавно,
Я очень вѣрю, потому
Что я и самъ еще недавно
Облекся въ ратную суму;
И я, мой другъ, въ былые годы
Ходилъ во фракахъ, да какихъ?
Послѣдней, самой лучшей моды,
Короткофалдыхъ, обрѣзныхъ!
Штаны на мнѣ, я помню живо,
Любилъ носить я широко
Изъ казимира и трико,

Внизу съ чешуйкою красивой;
А сапоги, ты вѣрно зналъ
Всѣ магазейны по бульвару,
Мнѣ Нѣмецъ Хейнъ всегда шивалъ
По тридцати рублей за пару,
На вѣсъ пять, шесть золотниковъ,
Вотъ былъ недавно я каковъ!
Такъ обратимся мы къ предмету:
Я думалъ также, какъ и ты,
Готовъ былъ цѣлой вѣкъ по свѣту
Искать чудесъ и красоты
Въ природѣ мудрой и премудрой,
Какъ намъ твердитъ ученый хоръ,
И восхищался до тѣхъ поръ,
Пока. . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . . и чтоже?
Прошу пройтиться на Кавказъ!
Съ какою, думаешь ты, рожей
Узналъ заслуженный приказъ?
Не восхищался ли какъ прежде,
Однимъ названіемъ Кавказъ?

Недалъ ли крылышекъ надеждѣ
За чертовщиною летѣть,
Какъ то: Черкешенокъ смотрѣть,
Плѣняться день и ночь горами,
О конхъ съ многими глупцами
По Географіи я зналъ,
Ельбрусомъ, борзыми конями,
Которыхъ Пушкинъ описалъ
И прочая..... ахъ! нѣтъ, мой милый;
Я вспомнилъ то, кѣмъ прежде былъ,
Во что Господь преобразилъ,
И съ миной кислой и унылой
И носъ и уши опустилъ!
Пришедъ сюда, я взоромъ дикимъ
Окинулъ все, что прежде мнѣ
Казалось чуднымъ и великимъ
И всѣмъ скучалъ на единѣ,
Въ шуму пировъ и тишинѣ!
Вотъ, эти дивныя картины:
Каскады, горы и стремнины...
Съ окаменѣлою душой,
Убитый горестною долей,
На нихъ смотрю я по неволѣ,
И вѣрь мнѣ — вижу изъ всего

Уродство — больше ничего!
Быть можетъ, другъ мой, почему же
Не быть подобному съ тобой?
Поссорясь вѣтренно съ судьбой,
Ты самъ надѣнешь фракъ поуже
Или двѣ капли, такъ какъ мой,
Тогда судить умнѣе станешь,
Навѣкъ поклонишься мечтамъ
И удивляться перестанешь
Кавказа вздорнымъ чудесамъ!

ГЛАВА III.

Межъ тѣмъ уходитъ день за днёмъ
Неизмѣняемымъ порядкомъ;
Жары надъ странственнымъ полкомъ
Смѣняетъ ночь въ молчаньи краткомъ;
За переходомъ, переходъ
Степьми, аулами, горами
Московцы, дружными рядами,
Идутъ прослушно, безъ заботъ.
Куда? зачѣмъ? въ огонь иль въ воду?
Имъ всё равно: они идутъ,
Въ ладьяхъ по Тереку плывутъ,
По быстрой Сунжѣ ищутъ броду;
Разноситъ вѣтеръ, вдоль рѣки
Съ толпами ратныхъ челноки,
Бросаетъ Сунжа вверхъ ногами

Героевъ съ храбрыми сердцами; (*)
Ихъ мочетъ дождь, ихъ сушитъ пыль!
Идутъ — и живы, слава Богу!
Друзья! повѣрьте, это быль,
Я самъ, что дѣлать, понемногу
Узналъ походную тревогу
И кто, что хочетъ говори,
А я, какъ демонъ безобразный,
Въ поту, усталый и въ пыли,
Мочилъ не рѣдко сухари
Въ водѣ болотистой и грязной
И, помолившися потомъ,
На камнѣ спалъ покойнымъ сномъ!
А вы, биф-стексы и котлеты,
Домашней кухни суета!
Какіе лестные привѣты,
Я вамъ выдумывалъ тогда!
Съ какимъ живымъ воспоминаньемъ,
Съ какимъ чудеснымъ обоняньемъ

(*) Сунжа въ самыхъ мѣлкихъ мѣстахъ, такъ быстра, что не возможно сильному человѣку ступить шагу, не подавшись въ сторону. Большая часть солдатъ переходила ее, держась между собою за руки, а нѣкоторые падали съ ружьями.

Передъ собой воображалъ!
Я васъ не рѣзавши глоталъ
Безъ огурцовъ и крессъ салата....
А на повѣрку наконецъ,
Увы! хоть съѣлъ бы огурецъ,
Да нѣтъ ихъ въ ранцѣ у солдата!

. . . .
. . . .

Уже осталося за нами
Довольно Русскихъ крѣпостей,
Въ которыхъ, рядомъ съ Кунаками
Живутъ семейства Егерей,
Или скажу яснѣе — роты
Линейной Егерьской пѣхоты
Изъ сорокъ третьяго полка;
Ужь наши воины слегка
Болтать учились по Чеченски,
Какъ встарь учились по Нѣмецки
И восхищались отъ души,
(Таковъ обычай Русской рати),
Когда случилося имъ кстати
Сказать: Ямань или Якши;
Уже Тарутинцы успѣли
Подробно нашимъ разсказать,

Притомъ прибавить и прилгать,
Какъ въ Турціи они терпѣли
Отъ пуль, и ядеръ, и чумы,
Какъ воевали подъ Аджаромъ,
И быль украшивая съ жаромъ,
Плѣняли пылкіе умы
Всегда лежавшіе на печкѣ.
Мы, въ разговорѣ дѣловомъ
Прошедши въ бродъ еще двѣ рѣчки,
Къ *Внезапной* крѣпости тишкомъ
Пришли внезапно вечеркомъ . . .
Вотъ здѣсь — и точка съ запятою . . . ,
Я долженъ тонъ перемѣнить
И, какъ Поэтъ отважный, вдвое
Сурьёзнѣй дѣло пояснить.
И такъ, принявши тонъ сурьёзной,
Скажу вамъ такъ: когда изъ Грозной
Пошли мы грѣшные въ походъ,
То и не думали, не знали
Куда судьба насъ заведетъ.
Иные съ клятвой утверждали,
Что мы идемъ на смертный бой
Въ Аулъ Чеченскій, не мирной;
Другіе, въ пятеро умнѣе

И на сужденье поскромнѣе ,
Шептали всѣмъ , понизя тонъ ,
Что нашъ второй баталіонъ
Былъ за Андреевской нещадно
Толпою Горцевъ окруженъ.
Всѣ пѣли складно , да не ладно ,
Одинъ походъ могъ доказать ,
Какъ хорошо умѣютъ врать.
Замѣчу здѣсь : всѣ Офицеры
Конечно знали напередъ
Вѣрнѣе , нежель мушкатеры ,
Куда судьба ихъ заведетъ;
Но знали такъ , какъ думать должно ,
Не для другихъ , а для себя ,
И такъ, разсказовъ не любя,
Хранили тайну осторожно.
Теперь къ *Внезапной* подходя
Засуетились всѣ безбожно:
»Да гдѣжь , второй нашъ батальонъ?
Вѣдь говорятъ въ осадѣ онъ.«
— Э, вздоръ! налгали объ осадѣ ,
Онъ здѣсь съ Бутырцами стоитъ;
Смотрите , ежели въ парадѣ ,
Онъ насъ принять не поспѣшитъ. —

»Да, если здѣсь, то вѣрно выдетъ.«
Идетъ нашъ первый батальонъ —
И что же? мѣсто только видитъ,
Гдѣ былъ второй.. »Да гдѣ же онъ?«
Одинъ другаго вопрошаетъ;
А тотъ въ отвѣтъ ему: Богъ знаетъ! —
Межь тѣмъ и спать уже пора.
Какъ разъ разкинули палатки
И разрѣшеніе загадки
Всѣ отложили до утра.

ГЛАВА IV.

Вали безсмѣнный Дагестана (*)
И Русской службы Генералъ
Въ Таркахъ, безъ трона и дивана,
Сидѣлъ владѣтельный Шамхалъ.
Ему подвласные Могоги (**),
Въ папахахъ съ трубками въ рукахъ,
Сложивъ крестомъ смиренно ноги,
Сидѣли также на коврахъ.
Какъ одурѣлые Французы
Отъ Русской пули и штыковъ,
Они внутри своихъ лѣсовъ
Покойно сѣяли арбузы,

(*) Одинъ изъ титуловъ Шамхала.

(**) Персидская Шапка

Пшеницу, просо и Саманъ (*).
Въ душѣ, быть можетъ, Персіянъ
И Турокъ намъ предпочитали,
Но между тѣмъ ....
Безъ отговорокъ и затѣй,
Уставы наши принимали,
Склонясь покорною главой
Передъ Десницей громовой.
Враги порядка и покоя,
Они, подъ часъ отъ злобы воя,
Точили шашки на кремняхъ;
Но грохотъ пушки на горахъ,
Во слѣдъ словесныхъ увѣщаній,
Всегда и быстро укращалъ
Тревоги буйственныхъ собраній
И миръ въ Аулахъ водворялъ.
Такъ ихъ смирялъ Ермоловъ славный,
Такъ на равнинахъ Эрпели
Они позоръ свой погребли,
Вступивши съ Грабѣ въ бой неровный.
Съ тѣхъ поръ устроенной толпой,
Смиряя пылъ мятежной страсти,

(*) Персидскій табакъ.

Они, подъ кровомъ Русской власти,
Узнали счастье и покой.
Послѣдній лучь надежды тёмной
Бросалъ въ разбойничій Аулъ
Глава Востока — Истамбулъ.
Но, сокрушивъ кумиръ огромной
И льва Таврисскаго связавъ,
Съ бреговъ Аракса до Кубани
Могущій Россъ, питомецъ брани,
Лишилъ злодѣевъ тщенныхъ правъ.
Закоренѣлые невѣжды,
Отъ черныхъ горъ до снѣговыхъ,
Съ потерей слабой ихъ надежды
Вписались всѣ въ число мирныхъ.
Какой нибудь Сампсонъ презрѣнной
Или преступный Каплуновъ, (*)
Спасаясь казни заслуженной,
Тревожатъ миръ ночныхъ воровъ
И потаенными стязями
Съ мирными, добрыми друзьями
Изъ горъ являются въ расплохъ

(*) Бѣглые Русскіе солдаты, проживающіе у Горскихъ разбойниковъ, извѣстные своею отважностію и ненавистью къ соотечественникамъ. —

Передъ стадами земляковъ.
Но правосудный мечь въ размахѣ
Виситъ на нити роковой
И раноль, поздноль, головой
Въ оцѣпенѣніи и страхѣ,
Злодѣи дань позорной плахѣ
Заплатятъ жалкой чередой.
И такъ Кавказскіе герои
Въ косматыхъ шапкахъ и плащахъ,
Оставя не хотя въ горахъ
Набѣги, кражи и разбои,
Свою насильственную лѣнь
Трудомъ домашнимъ замѣнили,
И кукурузу и ячмень
Съ успѣхомъ чуднымъ разводили.
Какъ вдругъ — въ одинъ погодный день
На зло внезапное и горе
Изъ моря, или изъ за моря,
О томъ безмолвствуетъ молва,
У нихъ явился гость отмѣнный,
Какой-то Геній изступленный,
Пророкъ и попъ *Казы Мулла.*
Какъ мужъ, низпосланный отъ Бога
Для наставленья Мусульманъ,

Нося открытый Алкоранъ,
Онъ вопіялъ сначала строго
На тьмы пороковъ и грѣховъ
Своихъ почтенныхъ земляковъ.
Стращалъ ихъ пагубною бритвой,
Которой къ раю на пути,
Запасшись доброю молитвой,
Должны ихъ души перейти
Иль, отягченныя грѣхами,
Упасть на огненное дно,
Гдѣ нечестивымъ суждено
Жить въ вѣчной каторгѣ съ чертями.
»О, горе намъ, Алла, Алла!
Черкесы вторятъ съ умиленьемъ,
Великъ и правъ святой Мулла
Съ ужасной бритвой и мученьемъ!«
А онъ, усами шевеля,
Какъ голова на сходѣ шумномъ
И знакомъ вопли прекратя,
Вѣщалъ въ пророчествѣ безумномъ:
»Откройте сонные глаза,
Развѣсти уши, всѣ народы!
Грядутъ со мною чудеса
И воскресеніе свободы!

Определѣнія судьбы
Готовятъ вамъ иную долю:
Исчезнетъ Русь, конецъ борьбы —
Вы возвратили вашу волю!
Живъ Богъ; а я Его Пророкъ!
Его уста во мнѣ вѣщаютъ,
Въ моей десницѣ пребываютъ
И жизнь, и смерть, и самый рокъ!
Какъ дождь нежданый и обильной
Мы ополчимся на враговъ,
Прогонимъ ихъ рукою сильной
Съ Анапскихъ пашень и луговъ,
Съ холмовъ роскошныхъ Дагестана
И ненавистнаго Тирана
Свободныхъ горъ, безъ оборонъ
Обратно вытѣснимъ за Донъ!
О, вѣрьте, крѣпости, станицы
И селы Русскихъ — прахъ и тлѣнъ,
Ихъ дѣти, жёны и дѣвицы
Узнаютъ гибель, месть и плѣнъ!
И населятъ лѣса и степи,
У насъ отнятые войной
И только съ смертію земной
Спадутъ съ нихъ тягостныя цѣпи!«

И раздались и вопль и стонъ:
»Исчезни Руссь — ступай за Донъ!«
Смутились буйственныя горы,
Въ мятежныхъ сонмахъ, въ шинкахъ
Вездѣ идутъ переговоры
Объ удивительной войнѣ.
Вездѣ Мулла благовѣствуетъ;
Онъ имъ посланникъ отъ небесъ;
Нигдѣ ни шагу безъ чудесъ:
Тамъ — онъ покойно маршируетъ,
Босой, всѣ видятъ, по рѣкѣ;
Тамъ — улетаетъ на легкѣ
Къ седьмому небу изъ Аула;
Тамъ — обращаетъ кошку въ Мулла;
А здѣсь — забавной чередой
Перемѣняетъ видъ природной
И передъ вами, какъ угодно,
Безъ бороды — и съ бородой!
Въ одинъ и тотъ же мигъ нежданной
Изволитъ быть въ пяти мѣстахъ, (*)

—

(*) Ничего вымышленнаго: вѣрный отголосокъ молвы Горцевъ о чудесахъ новоявленнаго пророка.

Короче: попъ довольно странной,
Хотябъ и въ Русскихъ деревняхъ!
Что дѣлать? шутка не до смѣха!
Пошла ужасная потѣха:
Черкесъ мирной и немирной —
Всѣ бредятъ мыслію одной:
Скорѣй исполнить предсказанье,
Законъ докучный истребить
И Руссь святую, на изгнанье
За Донъ широкій осудить.
Иные, кое гдѣ отъ скуки,
Уже сбиралисѣ по ночамъ;
Но имъ, какъ дерзкимъ шалунамъ,
Веревкой связывали руки;
Другіе, нѣсколько умнѣй,
Съ мірскаго общаго совѣта
Держались неутралитета
И ожидали лучшихъ дней.
Но больше всѣхъ, какъ Якобинцы,
Взбѣсились жители земли
Подъ управленіемъ Вали —
Неугомонные Тавлинцы,
За ними вслѣдъ Койсубулинцы.
Шамхалъ, заботливый старикъ,

Кричалъ о казни громогласно,
Но безпокоился напрасно,
И бунтъ торжественно возникъ.
Читатель, ежели ты съ рода,
Хотя двѣ книги прочиталъ,
То непремѣнно угадалъ
Причину нашего похода.
Что будетъ далѣе, прошу
Меня не спрашивать заранѣ:
Ты не останешься въ обманѣ,
Я всё подробно опишу.

ГЛАВА V.

Когда, по высшему велѣнью,
Уничтожались иногда
Съ лица земнаго города;
То мудреноль землетрясенью,
Хочу я Физиковъ спросить,
Аулъ Кумыковъ навѣстить?
Разрушить двѣ иль три мечети,
Въ которыхъ набожно съ Муллой
Молились дѣвы, старцы, дѣти
Передъ невидимымъ Аллой.
И вдругъ съ глухимъ подземнымъ гуломъ,
Подъ грудой камней и столповъ,
Пришли въ обители отцовъ?
Вотъ быль съ Андреевскимъ Ауломъ:
Шесть сутокъ громъ по временамъ
Изъ тьмы кромешной, по горамъ
Носился тихо и протяжно,

Потомъ, рѣшительно и важно
Во всѣхъ мѣстахъ загрохоталъ,
Дома и сакли разметалъ,
Изпортилъ въ крѣпости строенья,
Казармы, стѣны, укрѣпленья
И.... очень скромно замолчалъ!
Сего печальнаго явленья
Мы не застали; но слѣдамъ
Еще живаго разрушенья
Дивились съ горестію тамъ.
Всё было дико и уныло,
Всё душу странника въ тоску
И грусть нѣмую приводило.
Громады камней и песку
Колонъ разбитыхъ, пирамиды,
Степные, пасмурные виды,
Туманъ волнистый надъ горой,
Кустарникъ голый, и порой,
Какъ будто мертвое молчанье....
Два дня томилось ожиданье:
Когдажъ идти на явной бой,
Алкая смерти благородной?
Раздался снова шумъ походной
И полкъ дружиной боевой

Идетъ дорогою степной.
Всё тѣ же холмы, горы, рѣки,
Всё тѣ же вѣтры и жары
Сырые, вредные пары
И кукурузныя чуреки; (*)
Всё тѣ же змѣи по полямъ,
Вода съ землею пополамъ,
Кизиль не спѣлой, розанъ дикой,
Черешня съ лукомъ и клубникой,
Чеснокъ, корсивья всѣхъ родовъ
И сыръ изъ козьихъ творороговъ.
Идутъ..... Сѣдая пыль столпами
Летитъ во слѣдъ за Козаками;
Мирные всадники толпой
Покойно ѣдутъ стороной;
Мѣшаясь съ ними Офицеры
Заводятъ рѣчи на словахъ
И пантомимой о коняхъ,
Кинжалахъ, шашкахъ; Канонеры
За путевымъ экипажемъ

(*) Чуреки. — Горцы вообще не имѣютъ хлѣба а замѣняютъ его Гурсками — лѣпешками, печеными въ золѣ изъ просы, пшена или Кукурузы.

Идутъ съ зажжёнымъ фитилёмъ;
Джигиты бѣшеныя скачутъ;
Трещатъ колёсы по кремнямъ;
Арбы немазанныя плачутъ;
Вездѣ и крикъ, и шумъ, и гамъ.
Тамъ — съ крутизны несётся фура;
Тамъ — между узкихъ дефилей,
Впрягаютъ новыхъ лошадей.
Но вотъ Аулъ Темира Мура
Мелькнулъ за рѣчкою въ дали;
Вотъ, ближе, ближе.... Передъ нами....
Прошли... привалъ!.. и за стѣнами
На отдыхъ воины легли.
Вода кипитъ, огонь пылаетъ;
Быки въ котлахъ, готовъ обѣдъ;
Здоровы всѣ, усталыхъ нѣтъ!
Вдругъ шумъ внезапный прерываетъ
Воинскій, добрый аппетитъ.
Глядимъ.... Какой чудесный видъ?
Изъ за горы необозримой,
Необозримою толпой
Покорной, тихою стопой
Идётъ народъ непокоримой.
Потупя взоры, въ тишинѣ,

Какъ очарованы во снѣ
Питомцы яростные брани!
Обезоружены ихъ длани,
Ни пистолетъ, ни ятаганъ
Не красятъ пышнаго наряда!
Вся ихъ надежда, вся ограда
Передъ начальникомъ отряда.
Ихъ предводитель — Сулеманъ.
Печаленъ, блѣденъ сынъ Шамхала,
Склоня колѣна и главу,
Почтилъ безмолвно Генерала.
Коверъ разкинутъ на траву
И, можетъ быть, въ виду народа
За краткимъ отдыхомъ похода,
Судьба пришельцовъ рѣшена!
Пашѣ бумага подана . . . .
Онъ пишетъ . . кончилъ. Съ уваженьемъ
Вторично голову склоня,
Садится съ ловкимъ небреженьемъ
На подведеннаго коня.
Народъ, князья, всѣ равнымъ кругомъ
Его обстали . . . на коней
Взлетаютъ всѣ . . . . Быстрѣй, быстрѣй
Обратно скачутъ другъ за другомъ :

И, то являясь на горѣ,
То исчезая за горою,
Какъ свѣтъ на утренней зарѣ
Въ борьбѣ съ туманной пеленою,
Иль при волшебномъ фонарѣ
Рои Китайскихъ, легкихъ тѣней,
Они сокрылись... Для чего,
Откуда, какъ и отъ чего?
Не предложу моихъ сужденій,
Не объясню вамъ ничего
За тѣмъ, что знаю очень мало,
Что знаю мало не скажу,
А лучше мѣсто покажу,
Гдѣ всякой тайны покрывало
Всегда прозрачно и свѣтло,
Какъ изумрудъ или стекло.
Вотъ это мѣсто дорогое,
Оно, на кухнѣ у котловъ,
Тамъ всё премудрое земное;
Тамъ ежедневно отъ головъ
Веселыхъ, добрыхъ, беззаботныхъ
И завсегда словоохотныхъ,
Легко вы можете узнать
Такія вещи, въ бѣломъ свѣтѣ

О коихъ, даже въ Кабинетѣ,
Не часто смѣютъ разсуждать.
Тамъ всё подробно вамъ докажутъ,
А въ заключеніе того
Съ божбой анаѳемскою скажутъ,
Что этотъ слухъ отъ самаго
Кузьмы Савельича Скотова.
»Коль скоро такъ, тогда ни слова,
Всѣ закричатъ, розиня ротъ,
»Кузьма Савельичь не совретъ.
А кто онъ? спросите вы къ стати,
Да, Генеральской человѣкъ,
Уже-ли онъ вамъ не въ домѣкъ?
Таковъ обычай Русской рати.
Прошу пожаловать за мной
Къ котламъ... поближе... такъ... са-
дитесь...
Вотъ ложка вамъ, перекреститесь,
Бульонъ здоровой и мясной....
Чу!... о Тавлинцахъ разговоры!

КАШЕВАРЪ 1-й.

Да, да, естественные воры!
Коль нашихъ нѣтъ, такъ берегись,

Башку сорвутъ, какъ звѣри злые,
Отрядомъ только покажись —
И всѣ пріятели мирные.

Кашеваръ 2-й.

Весь въ красномъ, сколько серебра
На широварахъ и бешметѣ

Кашеваръ 1-й.

Какъ не имѣть ему добра,
Порѣзавъ насъ, на бѣломъ свѣтѣ?

Мушкатеръ, (разкуривая трубку).

Сперва словами улещалъ,
Что бунтоваться ужь не станетъ,
А послѣ клятву написалъ.

Голосовъ 10-ть.

Не бось! Московскихъ не обманетъ!..

Кашеваръ 1-й.

Я, говоритъ онъ, воевать
Съ Царемъ Россійскимъ не намѣренъ,
А чтобъ онъ былъ во мнѣ увѣренъ,
Готовъ ему присягу дать
И серебра и много злата.
А есть въ горахъ у насъ два брата,

Которыхъ трусить весь Кавказъ —
Они воюютъ противъ васъ.

Кашеваръ 2-й (изъ за котла).

Уймемъ не этакихъ нахаловъ.

Кашеваръ 1-й.

А я, дискать, Мирза Шамхаловъ,
Вашъ вѣчный данникъ и слуга!,

Мушкатеръ.

Забудитъ гнѣваться... Ага!..
А сколько верстъ еще до мѣста?

Кашеваръ 1-й.

Да что? — съ хорошаго присѣста
Часы въ четыре мы дойдемъ.

Кашеваръ 2-й.

И всѣхъ ихъ завтра перебьемъ!
Да, еслибъ что нибудь подъ руку
Случилось братцы мнѣ поймать,
Ужь то-то бъ сталъ я разгонять
На кухнѣ тягостную муку,
Всегдабъ былъ на веселѣ пьянъ!

Кашеваръ 1-й.

Гей, вы, вставайте, барабанъ!

Котлы, котлы! какъ сходны вы
Съ столами свѣтскихъ Сибаритовъ,
Гдѣ пресыщаются умы
За недостаткомъ аппетитовъ
Болтаньемъ сплетницы молвы!
А вы, одутлыве Бары,
Среди поклонниковъ своихъ —
Желудковъ, тощихъ и пустыхъ,
Вы въ полномъ смыслѣ, Кашевары!

ГЛАВА IV.

Вотъ, наконецъ мы и пришли
Подъ знаменитый Эрпели!
Въ пяти частяхъ моихъ записокъ,
Представя вкратцѣ весь походъ,
Я долженъ здѣсь, какъ Валтеръ Скоттъ
Или Байронъ, представить списокъ
Съ живыхъ, разительныхъ картинъ
Вамъ, мой любезный господинъ,
Иль вамъ, почтеннѣйшая дама,
(Которымъ вмѣсто порошковъ,
Смекнула ласковая мама,
Поднесть тетрадь моихъ стиховъ)
Рецептъ дѣйствительный, не спорю,
Но, къ моему большому горю,
Я долженъ правду вамъ сказать,
Что не умѣю рисовать.

Учился прежде у Визара
Чертить контуры рукъ и ногъ,
Но смѣлой живописи дара
Понять, какъ I . . . ля урокъ
Подобно У . . . ну, не могъ.
Простите жь мнѣ мое незнанье —
Ему въ замѣну есть старанье;
Мой безъискусстный карандашъ
Такъ точно вѣренъ безъ повѣрки,
Какъ на устахъ у лицемѣрки
Всегда готовый Отче нашъ.
Картина первая: на ровномъ
Пространствѣ илистой земли
Стоитъ въ величіи огромномъ
Аулъ Тавринцовъ — Эрпели.
Обломки скалъ и горъ кремнистыхъ
Его фундаментъ вѣковой!
Аллеи тополей тѣнистыхъ —
Краса громады строевой!
Вездѣ — блуждающіе взоры
Встрѣчаютъ сакли и заборы,
Плетни и валы; каждой домъ —
Бойница съ насыпью и рвомъ;
Надъ разорвавшейся рѣкою,

Бѣгущей съ горной высоты,
Искусства чуднаго рукою
Вездѣ устроены мосты;
Водовороты, переходы,
Каскады, мѣльницы, отводы —
Все дышетъ рѣзкой наготой
Природы дикой и простой!
Въ аулѣ шумъ и конскій топотъ,
Молчанье жёнъ и дѣтской хохотъ;
На кровляхъ, въ окнахъ, у воротъ
Кипящій, вѣтреный народъ
Богато убранный, одѣтый,
Какъ Кизельбаши Персіянъ;
Тамъ — Атаманскій ятаганъ;
Тамъ ружья, сабли, пистолеты
Блестятъ, сверкаютъ серебромъ
Въ своемъ парадѣ боевомъ;
Здѣсь — коней странные приборы:
Луки, уздечки, стремена;
Бородъ разкрашенныхъ узоры,
Куски матерій, полотна,
Едва скрывающіе плечи
Сѣдыхъ, запачканыхъ старухъ,
И лай собакъ на Русской духъ,

И крикъ, и визгъ, и сцѣны встрѣчи,
И говоръ волнъ, и вѣтра гулъ!
Вотъ скопированный аулъ!
Идемъ — я видъ другой картины:
Среди возвышенной равнины,
Загроможденной съ двухъ сторонъ
Пирамидальными горами,
Объявшихъ гордыми главами
Съ начала міра небосклонѣ,
Разбиты бѣлыя палатки...
Быть можетъ прежнія догадки
Теперь рѣшились: это онъ
Второй, нашъ добрый батальонъ!
Такъ, онъ свободный, незапертый,
Какъ утверждали мы сперва;
Но вотъ еще здѣсь лагерь!... два!...
И три!.. Нашъ будетъ ужь четвертый...
Идетъ все далѣе отрядъ...
Вотъ — эполеты забѣлѣли.

. . . .

Межъ тѣмъ особу Генерала
Два сына стараго Шамхала,
Со свитой пышною Князей
И благородныхъ узденей,

Съ благоговѣньемъ окружали
И на челѣ его читали
И миръ и грозный проговоръ —
Великой правды договоръ.
Поборникъ древней Русской славы,
Какъ полководецъ величавый,
Онъ привлекалъ къ себѣ сердца,
Въ нёмъ зрѣли съ чувствомъ удивленья
Два неразрывныя стремленья:
И властелина и отца.
Что мыслилъ онъ? что отражалось
Во глубинѣ его души? . . . .
Не смѣемъ знать . . . намъ оставалось
Молить Всевышняго въ тиши;
О чемъ молить: другая тайна —
Её постигнуть можетъ тотъ,
Кто духомъ истый Патріотъ,
Для злыхъ она необычайна.

О Эрпели, о Эрпели!
И ты урокомъ для земли!
И ты быть можетъ для Поэта
Въ другіе дни, въ другія лѣта

Послужишь пищею живой!
Ты воскресишь воспоминанье
О буряхъ сердца, о страданьѣ
Души волнуемой тоской
Подъ игомъ страсти роковой!
Быть можетъ, ежели Холера
Меня въ червя не обратитъ,
Походный грифель мушкатера
Въ кормавной книжкѣ сохранитъ
Твои лѣса, ручьи и горы,
И друга искрешняго взоры
Прельстятся съ правнукомъ моимъ
Изображеніемъ твоимъ.
Я разскажу имъ въ часъ досужный
Объ Эрпелійской красотѣ
И эпизодъ довольно нужной
Не пропущу о Баранптѣ,
Кафиръ Кумыкѣ, Казанищахъ,
Гдѣ былъ второй нашъ батальонъ
И о любезнѣйшихъ дружищахъ,
Которымъ всё повѣдалъ онъ,
Подъ сѣнью мирныхъ балагановъ,
Плѣненье горскихъ пастуховъ
Со многимъ множествомъ барановъ.

. . . .

Тьмы разныхъ случаевъ, тревоги
И приключенія въ дорогѣ . . . .
Всѣ эти пѣсни хороши,
Но вотъ, что въ голову мнѣ входитъ:
Подъ часъ за разумъ умъ заходитъ,
А я теперь хоть не пиши,
Заняться вздумалъ я мечтою
Нелѣпой, странной и пустою
О счастьи будущихъ временъ,
А настоящія оставилъ
Тогда, какъ первый батальонъ
Еще полатокъ не поставилъ.
И такъ, моя галиматья,
Adieu, до будущаго дня!

ГЛАВА VII.

Не зная изстари властей,
Повинкованья и Князей —
Вина мятежных покушений,
Бунтовъ и общаго вреда —
Въ кругу Шамхаловыхъ владѣній
Гнѣздилась дикая Орда.
На днѣ вертеповъ неприступныхъ,
Таясь какъ новый сатана,
Таить не думала она
Надеждъ и замысловъ преступныхъ.
Взирала гордо на позоръ
Бунтовщиковъ окружныхъ горъ,
Смиренныхъ вдругъ единымъ словомъ,
И, ненавидя миръ и дань,
Въ ожесточеніи суровомъ
Она готовилась на брань.

Ни жребій явный и стребленья,
Ни мѣры кроткія главы
Побѣдныхъ войскъ и ополченья
Въ виду защитной ихъ горы,
Ни увѣщанія Тавлинцовъ

. . . .

Не украпили роковой,
Отважной буйнтъ Кайсубулинцовъ.
Съ вершинъ утесовъ на отрядъ
Они смѣются беззаботно,
Готовятъ пули и охотно
Кинжалы длинные острятъ.
Ни путь широкой, ни тропины
На ихъ высокія стремнины
Стопы пришельцовъ не ведутъ.
Предъ любопытными очами
Стоитъ съ гранитными стѣнами
Природной крѣпости редутъ
Не досягаемый, огромной.
Въ хаосѣ пропасти бездонной;
Какъ тартаръ буйной и живой,
Кипятъ свободные аулы:
Кто видѣлъ лёгкія черны
Съ картины адской суеты

Въ заводахъ Брянска или Тулы,
Гдѣ не умолкной чередой
Гудятъ и стонутъ надъ водой
Желѣзо, мѣдь, чугунъ и камень;
Гдѣ угли, искры, жаръ и пламень
Блестятъ, сверкаютъ и шумятъ;
Гдѣ гвозди, молоты, машины
И рукъ искуственныхъ пружины
Въ насильномъ дѣйствіи звучатъ,
И поражаютъ удивленьемъ
И свѣжій слухъ и свѣжій взоръ, —
Того незначущимъ сравненьемъ
Знакомлю съ видомъ этихъ горъ.
Дыша слѣпымъ ожесточеньемъ
Тамъ всё кипитъ вооруженьемъ:
Какъ муравьиные рои
Мелькаютъ всадники и кони;
Куютъ Джелоны, сбруи, брони,
Чеканятъ ружья, лявіи.
Вездѣ разъѣзды, шумъ и топотъ,
Въ глухой дали отзывной грохотъ,
Огни, пальба, воинскій крикъ
И въ кольцахъ грудь на Русской штыкъ.
Они не знаютъ нашей встрѣчи,

Имъ незнакомъ открытый бой,
Питомцы наглыхъ битвъ и сѣчи,
Они не зрѣли надъ собой
Свистящихъ ядеръ и картечи.
Но рати сѣверной приходъ
Дастъ брани новый оборотъ!

. . . .

. . . .

. . . . . Въ осьми верстахъ
Отъ гордой вражьей Цитадели,
Среди равнины на холмахъ
Шатры отряда забѣлѣли.
Здѣсь видимъ дружные полки
Съ бреговъ Москвы благословенной;
А тамъ — гранёные штыки
Пѣхоты Русской отдаленной
Изъ заграничныхъ городовъ,
Всегда готовые на зовъ
Царя, начальниковъ и чести;
Тамъ — гибель вѣрная враговъ,
Алкая крови, бѣдъ и мести,
Стоитъ ватага козаковъ;
А тамъ — за лагеремъ походнымъ
Ибрагимъ Бекъ и Ахметъ Ханъ,

Князья отъ крови Мусульманъ,
Пылая рвеньемъ благороднымъ,
Изъ разныхъ странъ подъ Эрпели
Свои дружины привели.
У нихъ Кумыки и Тавлинцы
Съ свинцомъ и сталью на коняхъ,
И съ ятаганами въ бояхъ
Пѣхота Горцевъ — Михтулинцы.
У водъ холоднаго ручья
Аулъ летучій ихъ мятётся,
И знамя розовое вьётся
Надъ бѣлой ставкою вождя.
Всѣ ждутъ рѣшительной осады,
Всѣ ждутъ и смерти и награды!
И вотъ — на утренней зарѣ
Отрядомъ легкимъ батальоны
Съ весельемъ двинулись къ горѣ!
Пути не видно . . . нѣтъ препоны!
Война и слава не безъ слугъ:
Съ подошвы горной сотни рукъ
Взрываютъ новую дорогу!
Идутъ и роютъ . . . . Впереди
Зіяютъ пушки роковыя,
Внутри рядовъ и позади

Кинжалы, ружья боевыя,
И безпардонные штыки!
Вотъ пуля свищетъ, вотъ другая!
Идутъ! . . . Вотъ залпъ изъ за кремней
Раздался сверху пролетая!
Идутъ, работаютъ смѣлѣй! . . .
Ужь высоко! Туманъ нагорный
Густѣетъ, скрылъ средину горъ;
Темнѣетъ день, слабѣетъ взоръ, —
Идутъ отважно и упорно.
Внезапной холодъ, вѣтеръ, дождь
Приводятъ въ трепетъ нестерпимой, —
Идутъ стѣной неотразимой!
Среди ихъ другъ и бодрой вождь!
Вотъ солнце яркими лучами
Блеснуло вновь. Туманъ исчезъ . . .
Они вверху — и предъ глазами,
Съ огромною массою небесъ,
Какъ въ неразрывной, длинной цѣпи,
Слились, казалось, горы, степи,
Холмы, долины. Цѣлый миръ
Представилъ чувствамъ дивный пиръ . . . .
Безмолвно воины взираютъ
На точку свѣтлую земли;

Едва замѣтные , мелкают
Подъ ними станъ и Эрпели!
Въ дали , подъ крѣпостью *Бурной* ,
Синѣетъ моря блескъ лазурный ,
Ландшафтъ несвязной дальныхъ странъ ,
И вкругъ воздушный океанъ!
Поражены недоумѣньемъ ,
Они бросаютъ мутный взоръ
Во глубину ужасныхъ горъ ;
Глядятъ ... и съ радостнымъ движеньемъ
Отъ поразительныхъ картинъ
Отрядъ отхлынулъ отъ стремнинъ!
Тамъ — свѣта новаго пространства
Миѳологическое Царство
Подземныхъ тѣней и духовъ ;
Тамъ — Елисейскія долины ,
О коихъ изстари вѣковъ
Не знаютъ Русскія дружины ,
Цвѣтутъ средь рощей и дубровъ ;
Тамъ — по гранитамъ зеленѣли
Кедровникъ , пихта , ольха , ели ;
Тамъ , роя камни и песокъ ,
Сулакъ , какъ мылкой ручеёкъ
Бѣжалъ извивистой струёю ;

А тамъ — огромной полосою
Вдали тянулись надъ водой
Скалы безбрежною грядой;
И тридцать шесть ауловъ бранныхъ,
Покрытыхъ мрачной тишиной,
Какъ сонмы демоновъ изгнанныхъ,
Въ тѣни чернѣли разсыпной.
Глаза, очки, лорнеты, трубы,
Носы, фуражки, уши, губы,
Все устремилось съ высоты
Въ страну ужасной красоты.
Глядѣли, думали, дивились,
Кричали, охали, крестились
И, изумленные, сошли
Съ полнеба къ жителямъ земли.
Насилу кончилъ! слава Богу!
Усталъ! позвольте замолчать,
Прорывъ на первый разъ дорогу,
Поэму буду продолжать.
Всего мучительнѣй на свѣтѣ
Сурьёзной выдержать разсказъ,
А я, имѣйте на примѣтѣ,
Перо туплю не на заказъ,
Безъ подлой лести и прикрасъ

Не знаю строгая Ценсура
Меня осудитъ или нѣтъ;
Но всё равно — я не Поэтъ,
А лишь его каррикатура.

ГЛАВА VIII.

»Ну, ну, разскащикъ нашъ забавной,
Твердятъ мнѣ десять голосовъ,
Повѣдай намъ о битвѣ славной
Твоихъ героевъ и враговъ!
Какъ ваше дѣло, подъ горою?«
—Готовъ! Согласенъ я, пора!
И такъ торжественно со мною
Кричите милые: Ура!
»Ба! и сраженье и побѣда,
Какъ послѣ сытнаго обѣда,
Десертъ и кофе у друзей!
Такъ скоро?« Ровно въ десять дней
Покорность, миръ и Аманаты
И снова въ Грозную походъ!
»Какой рѣшительный рацеѣтъ,
Какіе Русскіе солдаты!

Но какъ, и что, и почему? «
Вотъ объясненіе всему:
Койсубулинская гордыня
Гремѣла дерзко по горамъ,
Когдажъ доступна стала намъ
Ихъ недоступная твердыня
Посредствомъ пушекъ и дорогъ,
(Чего всегда избави Богъ)
Когда злодѣи ежедневно,
Какъ стаи лютыя волковъ,
На насъ смотрѣли очень гнѣвно
Изъ за утесовъ и кустовъ;
А мы, безтрепетною стражей,
Межъ тѣмъ работы берегли
И, приучаясь къ пули вражьей,
По малу вверхъ покойно шли,
И скоро блоки и машины
Готовы были навѣстить
Ихъ безобразныя вершины,
Чтобъ бомбой пропасть освѣтить;
Тогда военную кичливость
У нихъ разсудокъ усмирилъ,
И непробудную сонливость
Безсонный ужасъ замѣнилъ.

Сначала бодрые Джигиты,
Алкая стычекъ и борьбы;
Они для варварской пальбы
Изъ подъ разбойничей защиты
Приготовляли по ночамъ
Плетни съ землею попаламъ,
Деревъ огромные обломки,
И, давши залпъ оттуда громкій,
Смѣялись нагло Руссакамъ,
Стращали издали ножами
Съ привѣтомъ: Яуръ и Яманъ
И исчезали какъ туманъ
За неизвѣстными холмами;
Но послѣ, видя жалкій бредъ
Въ своемъ безсмысленномъ расчетѣ,
Они отъ явныхъ золъ и бѣдъ
Всѣ были въ тягостной заботѣ.
Едва зари вечерней тѣнь
Прогонитъ съ горъ веселый день
И ляжетъ сумракъ надъ полями —
Ни кѣмъ незримыми толпами,
Въ ночномъ безмолвіи они
Разводятъ яркіе огни;
Сидятъ уныло надъ скалами

И озираютъ Русской станъ,
Которой грозной, величавый
И озаренъ луной кровавой,
Лежитъ, какъ бѣлый великанъ.
Съ разсвѣтомъ дня опять въ движеньи
Неугомонная орда:
Отрядовъ смѣнныхъ суета
И новыхъ пушекъ появленье
Своей обычной чередой —
Все угрожаетъ имъ бѣдой,
Неотразимою осадой!
Невольный страхъ сковалъ умы
Дѣтей отчаянья и тьмы
За ихъ надежною оградой...
И близокъ часъ! готовъ ударъ!
Кипитъ въ солдатахъ бранный жаръ!
Полки волнуются, какъ море!
Послѣдній день... и горе горе!
Но вотъ — внезапно мирный флагъ
Мелькнулъ среди ущелій горныхъ,
Вотъ ближе къ намъ — и гордый врагъ,
Съ смиреньемъ данниковъ покорныхъ,
Идетъ разсѣять Русской громъ,
Прося съ потупленнымъ челомъ

Статей пощады договорныхъ! . . .
Статьи готовы . . . скрѣплены . .
Народовъ дикихъ старшины
Рѣшаютъ участь поколѣній!
Возходитъ свѣтлая заря!
Въ парадѣ ранныя дружины!
Койсубулинскія стремнины
Подъ властью Русскаго Царя!
Присяга новаго владѣнья!
И взорамъ тысячей предсталъ
Побѣдоносный Генералъ
Безъ битвъ и крови ополченья!
Цвѣтутъ равнины Эрпели!
Покой и миръ въ аулахъ бранныхъ!
Не видятъ болѣе они
Штыковъ отряда троегранныхъ!
Въ своихъ утесахъ вѣковыхъ,
Не слышатъ пушекъ вѣстовыхъ!
Громада зыбкая тумана,
Молчанье, сонъ и пустота
Объемлютъ дикія мѣста
На долго памятнаго стана!
И станъ подъ грозною стоитъ!
Но дума, дума о прошедшемъ

Не вольно сердце шевелитъ,
Въ бреду Поэта сумасшедшемъ
Я дни минувшіе ловлю
И, угрожаемый Холерой,
Себя мечтательною вѣрой
Питать о будущемъ люблю!
Поклонникъ Музъ самолюбивый,
Я вижу смерть не вдалекѣ,
Но всё перо въ моей рукѣ
Рисуетъ планъ свой прихотливый:
Сойдя къ отцамъ во слѣдъ другихъ,
Остаться въ памяти иныхъ!
Быть можетъ завтра или нынѣ,
Не испытая вражьихъ пуль,
Меня въ мучной уложатъ куль
И предадутъ земной пустынѣ!..
Въ глухой, далекой сторонѣ
Отъ милыхъ сердцу я увяну....
. . . .
. . . .
Увидя мой покровъ рогожной
Никто ни истинно, ни ложно,
Не пожалѣетъ обо мнѣ
Возьмутъ, кому угодно будетъ,

Мои чевеки и бешмешъ
(Весь мой багажъ и шуалешъ)
И всякой важно позабудешъ,
Кто былъ ихъ прежній господинъ!
А понихиды, сарачинъ,
Кутьи и прочихъ принiшаній
Хоть и не жди!... Вошъ, мой удѣлъ!
Его, безъ дальнихъ предсказаній,
Я очень ясно усмотрѣлъ!
Что жъ будетъ памятью Поэта?
Мундиръ... не можетъ быть! Грѣхи...
Они оброкъ другаго свѣта...
Стихи, друзья мои, стихи!
Найдутъ въ углу моей палатки
Мои несчастныя тетрадки,
Клочки, четвертки и листы,
Души тоскующей плоды
И первой юности проказы,
Сперва, какъ должно отъ заразы,
Ихъ осторожно окурятъ,
Прочтутъ строкъ десять въ тихомолку
И по обычаю на полку
Къ другимъ пищамъ переселятъ.
А вы, надѣжды, упованья

Честолюбиваго созданья;
На зло Холерѣ и судьбѣ
Вы не погибнете съ страдальцемъ:
Увидитъ чтецъ иной подъ пальцемъ
Въ моихъ тетрадкахъ А и П,
Попроситъ ласковыхъ хозяевъ
Значенье литеръ пояснить —
И нѣкль забвеннымъ, мнѣ ли быть?
Ему отвѣтятъ: Полежаевъ!
Прибавятъ, можетъ быть, что онъ
Былъ добрымъ сердцемъ одарёнъ,
Умомъ довольно своенравнымъ,
Страстями, жребіемъ безславнымъ
Укоръ и жалость заслужилъ,
Во цвѣтѣ лѣтъ — безъ жизни жилъ,
Безъ смерти умеръ въ бѣломъ свѣтѣ....
Вотъ память добрыхъ о Поэтѣ!

ЧИРЪ-ЮРТЪ.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Августа 19 дня, 1832 года.

Ценсоръ Снегиревъ.

Л. Д.

. . . .

. . Среди ежедневныхъ стычекъ и сраженій, при разныхъ мѣстахъ въ Чечнѣ, въ шуму лагеря, подъ кровомъ одинокой палатки, въ 12 и 15 градусовъ мороза, на снѣгу, воспламенялъ я воображеніе свое подвигами прошедшей битвы, достойной примѣчанія въ лѣтописяхъ Кавказа, и въ 11 дней написалъ посылаемый къ тебѣ Чиръ-Юртъ.

А. П. Л.

Крѣпость Грозная,
25 Маія, 1832 года.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Цѣль бытія души высокой,
Удѣлъ и жизнь полубоговъ —
Сіяетъ слава въ тьмѣ вѣковъ,
Въ пучинѣ древности глубокой!
Подобно юной красотѣ
Въ толпѣ соперницъ безобразныхъ,
Подобно солнцу въ высотѣ
Передъ игрой лучей алмазныхъ,
Она блеститъ, она горитъ
Безъ украшеній и убранства
Среди безплоднаго тиранства
Своихъ ничтожныхъ Эвменидъ.

4

Гдѣ тотъ, чью душу не волнуетъ
Войны и славы громкій гласъ?
Чье сердце въ тайнѣ не тоскуетъ,
Внимая воина разсказъ
О наслажденьяхъ жизни бранной,
Кровавыхъ сѣчахъ и бояхъ,
О вражьихъ пуляхъ и мечахъ
И смерти всюду имъ попранной?
Кто не стремится, не летитъ
Душой за взоромъ и за словомъ,
Когда усастый инвалидъ
На языкѣ своемъ суровомъ,
Но вѣрномъ, какъ граненый штыкъ,
Съ которымъ къ правдѣ онъ привыкъ,
Передаетъ дѣтямъ иль внукамъ
Любимый ключь къ своимъ наукамъ,
Большую повѣсть прежнихъ лѣтъ?
О, знай, питомецъ Аполлона,
Тамъ, гдѣ витійствуетъ Беллона,
Ничтоженъ Геній и Поэтъ!

Есть много странъ подъ небесами,
Но нѣтъ той счастливой страны,

Гдѣ бъ люди жили не врагами
Безъ права силы и войны!
О, гдѣ не встрѣтимъ мы способныхъ
Основы блага разрушать?
Но рѣдко, рѣдко намъ подобныхъ
Умѣемъ къ жизни призывать!..

Младые воины Кавказа,
Война и честь знакомы вамъ!
Склоните слухъ къ моимъ словамъ,
Къ словамъ Кавказкаго разсказа!
Я не усастый инвалидъ,
Наслѣдникъ пѣсней Оссіана,
Подъ кровомъ горнаго тумана
Мнѣ дѣва арфы не вручитъ...
Но ропотъ грусти безотрадной,
Пиры кровавые мечей —
Провозгласитъ вамъ славы жадной
Пѣвецъ печали и страстей!
Добыча юности безумной
И жертва тягостная дня,

Я загубилъ уже въ подлунной
Составъ весенній бытія.
Неукратимый и мятежной
Покоя сладкаго злодѣй,
Я потонулъ въ глуби безбрежной
Съ звѣздой коварною моей!
На полѣ чести, въ буряхъ брани
Мой мечь не выпадетъ изъ длани
Отъ страха робостной души;
Но вѣчной грустью очарованъ
Наединѣ съ собой, въ тиши
Мой умъ бездѣйственъ, духъ окованъ
Цѣпями смерти вѣковой,
Какъ Геній злобы роковой!
Забытый, пасмурный и скучной
Живу одинъ среди людей,
Томимый мукою своей
Вездѣ со мною неразлучной....
Безжалостный, свирѣпый взоръ,
Привѣтъ холодный состраданья,
Всё новой пищей для страданья,
Всё новый, вѣчный мнѣ укоръ!...
Однѣ тревоги и волненья,
Картины гибели и зла —

Дарятъ минуты утѣшенья
Тому, кто умеръ для добра!...
Такъ, уничтоженный для жизни,
Послѣдней кровью для отчизны
Я жажду смыть мое пятно!...
О, еслибъ нѣкогда оно
Исчезло съ слѣдомъ укоризны!...
Военный гулъ гремитъ въ горахъ,
Клятвопреступный Дагестанецъ,
Лезгинъ, Чеченецъ, Закубанецъ
Со мною встрѣтятся въ бояхъ!..
Не измѣню Царю и долгу!
Лечу за честію вездѣ,
И проложу себѣ дорогу
Къ моей потерянной звѣздѣ!..

Межь тѣмъ подъ ризою ночною
Шумитъ въ разбойничьемъ лѣсу
Съ своей обычной быстротою
По голымъ камнямъ Аракъ-Су.
Но искры бунта съ новой силой
Пророкъ неистовый раздулъ,

И сталъ пустынною могилой
Мятежныхъ подданныхъ аулъ.
Всё пусто въ немъ! Свирѣпый пламень
Пожралъ жилище бѣглецовъ;
Обломки бревенъ, черной камень
И пепелъ брошенныхъ домовъ
Гласятъ объ участи враговъ!

Тамъ, гдѣ подъ Русскою защитой,
Недавно цвѣлъ веселый миръ,
Лежитъ возникшій и разбитый
Чеченской вольности кумиръ.
Поля и нивы золотыя,
Удѣлъ богатый тишины,
Въ мѣста унылыя, пустыя
Въ единой мигъ обращены.
Ихъ топчетъ всадникъ безпощадный
Своимъ гуляющимъ конёмъ,
Межь тѣмъ какъ хищникъ кровожадный
Въ оцѣпенѣніи нѣмомъ
Клянетъ отмстительную руку
Неодолимаго бойца,

И видитъ съ жалостью отца
Тоску, отчаянье и муку
Своей жены, своихъ дѣтей,
Которыхъ онъ изнеможенныхъ,
Нагихъ и гладомъ изнуренныхъ
Сокрылъ въ пристанищѣ звѣрей...

Передъ ауломъ надъ рѣкою,
Въ огняхъ, какъ пламенный волканъ,
Стоитъ громадой боевою
Каратель буйныхъ, Русской станъ.
Не многолюдныя дружины,
Въ летучихъ ставкахъ и шатрахъ·
По скату вражеской долины,
Окрестъ себя наводятъ страхъ!
Нѣтъ! око видитъ съ изумленьемъ
Въ пришельцахъ Русскихъ горсть людей;
Но эта горсть съ пренебреженьемъ
Пойдетъ на тысячи смертей!..
Не въ первый разъ подъ ихъ стопами
Хруститъ въ лѣсахъ осенній листъ,

Не въ первый разъ надъ головами
Они внимаютъ пули свистъ! . .
То дѣти чести безъукорной,
Владыки сабли и штыка!
Мятежникъ, хищникъ непокорной
Ихъ знаетъ — эти три полка! . . . .
Всегда въ крови на вражьемъ трупѣ,
Всегда съ побѣдой впереди:
При Экдери, при Маюртупѣ,
Подъ богатырскимъ Кошкильди!
Вблизи разсыпана ватага
Неукротимыхъ ѣздоковъ,
Казачья буйная отвага,
Краса линейныхъ удальцовъ.
Татарскій видъ, вооруженье,
Страны отечественной грудь,
Всё можетъ въ рыцаря вдохнуть
Боязни тайной впечатлѣньё!
Взрощенный въ сѣчахъ на конѣ;
Онъ дышетъ смертью на войнѣ! . .
Всегда въ трудахъ, всегда въ движеньи
Сія блуждающая рать!
Ея удѣлъ и назначенье
Законъ и правду охранять!

Въ странѣ гористой Печенѣга,
Гдѣ житель Русскаго села,
Безъ вѣрной шашки у сѣдла
Не безопасенъ отъ набѣга;
Гдѣ миръ колеблемый станицъ,
Ненарушимость достояній,
И святость правъ, и честь дѣвицъ
Нерѣдко жертвою стяжаній
Неумолимыхъ кровопійцъ;
Гдѣ беззащитные трепещутъ,
Гдѣ въ тишинѣ полночной блещутъ
Ножи кровавые убійцъ —
Необходимъ безстрашный воинъ,
Опора слабыхъ, страхъ врага,
И вѣрный долгу, онъ достоинъ
Изъ рукъ безсмертія вѣнка!

Взяла довольно храбрыхъ воевъ
Неукрашимая страна;
Молва гласитъ намъ имена
И жизнь и подвиги героевъ.

Довольно труповъ и костей
Пожрали варварскія степи;
Но ни огонь, ни мечь, ни цѣпи
Не уничтожили страстей
Звѣроподобнаго народа!
Его стихія кровь и бой,
Насильство, хищность и разбой,
И безначальная свобода.

Ермоловъ, грозный великанъ
И трепетъ буйнаго Кавказа!
Ты, какъ мертвящій ураганъ,
. . . .
Въ скалахъ злодѣевъ пролеталъ!
Въ твоемъ владычествѣ суровомъ,
Ты скиптромъ мощнымъ и свинцовымъ
Главы Эльбруса подавлялъ!
И ты, нежданный и крылатый
Всегда неистовый боецъ,
О Грековъ страшный и заклатый
Кинжаломъ мести наконецъ!
Что грохотъ вашего Перуна?

Что мигъ коварной тишины?
Народы Сунжи и Аргуна
Донынѣ въ пламени войны;
Брега Кай-су, брега Кубани
Досель обмыты кровью брани!
Тамъ, гдѣ возникнулъ Бей-Булатъ,
Не истребятся Адигеи;
Тамъ вьются гидрами злодѣи
И вѣчно царствуетъ булатъ!

. . .

Онъ здѣсь, онъ здѣсь, сей сынъ обмана,
Сей геній гибели и зла,
Глава разбоя и Корана,
Бичь Христіянъ — Козы-Мулла!
»*Пророкъ, наслѣдникъ Магомета*,
Братъ старшій солнца и луны....
Вотъ титла хитраго атлета
Въ устахъ безсмысленной страны!...
Онъ чуждъ пронырства лицемѣра,
Оно не нужно для глупцовъ,
Ему довольно пары словъ:
Такъ Богъ велитъ, такъ хочетъ вѣра!
Онъ всё для горцевъ: судія,

Пророкъ, наставникъ, предводитель
И первый правъ и бытія
Своихъ Апостоловъ гонитель!
Тамъ, обольщая Дагестанъ,
Онъ грабитъ Русскаго вассала;
И слабый подданный Шамхала
Влечется силою въ обманъ! . . . .
Граната въ паркъ дохнула адомъ . . . .
Скалы на воздухъ! . . . Громъ, огонь
Взвились надъ моремъ! . . Всадникъ, конь,
Всё пало ницъ кровавымъ градомъ . . .
Пророкъ исчезъ съ своимъ отрядомъ . . . .
Тамъ онъ, разливъ какъ океанъ
Свои мятежные народы,
Вкругъ малой горсти Россіянъ
Грозитъ бѣдой, отводитъ воды . . . .
Но крѣпость Русская тверда,
Не стонетъ воинъ изнуренный,
Сверкаетъ штыкъ ожесточенный . . .
И льется къ жаждущимъ вода!
Что жь геній замысловъ преступныхъ,
Посланникъ мнимый Божества?
Съ гремящей славой торжества
Онъ оставляетъ недоступныхъ,

И поучаетъ Музульманъ
Передъ началомъ первой битвы
Читать прилежнѣе молитвы
И вѣрить твердо въ Алкоранъ! . . .

. . . .
. . . .

Вотъ тайна властвовать умами!
Вотъ легковѣрїе людей,
Всегда готовое мечтами
Питать волненіе страстей! . . . .
Надеждой ложной и безумной
Лукавецъ очи ослѣпитъ,
И сонмъ невѣждъ хвалою шумной
Свою погибель одобритъ!
Уже тогда, какъ грозно, грозно
Накажетъ насъ правдивый мечь,
Хотимъ мы съ робостью пресѣчь
Ударъ отмстительный, но поздно!
Тогда въ ужасной наготѣ
Предстанетъ намъ внезапно совѣсть,
И умъ, блуждавшїй въ темнотѣ;
Прочтетъ ея живую повѣсть!

О, для чего я на себѣ
Влачу раскаянія бремя?..
Зачѣмъ счастливѣйшее время
Я отдалъ бурямъ и судьбѣ
Несправедливой, своенравной,
Убійцѣ пылкаго ума?..
Ужель послѣдней ночи тьма
Застанетъ трупъ мой всё безславной,
Всё ненавистный для людей,
Отраду врановъ и червей?...

Межь тѣмъ подъ ризою ночною
Шумитъ въ разбойничьемъ лѣсу
Съ своей обычной быстротою
По голымъ камнямъ Аракъ-Су.
Мелькая въ немъ свѣтло и стройно
Луна плыветъ въ туманной млѣ;
Дружина Русская покойно
Стоитъ на вражеской землѣ....
Ночлегъ на мѣстѣ — нѣтъ сомнѣнья....
Въ кострахъ Чеченскіе дрова,

Вокругъ забота и движенья,
И пѣсни звучныя слова . . .
Иные спятъ , другіе бродятъ ,
Въ кружкахъ толкуютъ кой о чемъ;
Бекетъ смѣняютъ , цѣпь разводятъ ,
Смѣются , вздорятъ о пустомъ.
Въ одной палаткѣ за стаканомъ
Видна мірская суета;
Въ другой досужная чета ,
Засѣвъ *en grand* надъ барабановъ ,
Преважно судитъ о *Пліе* ;
А третій зритель машинально
Имъ поясняетъ пунктуально ,
Что даму слѣдуетъ на *Пе*.
»У всякаго своя охота ,
Своя любимая забота , «
Сказалъ любимый нашъ Поэтъ ,
А потому сомнѣнья нѣтъ ,
Что часто въ лагерѣ походномъ
Мы видимъ также точно свѣтъ ,
Какъ и въ собраньѣ благородномъ ;
Но вотъ различіе : въ одномъ ,
Вѣрнѣе нежели въ другомъ !
Тфу — какъ несбыточны догадки ,

Лишь только даму въ третій разъ
На *Пе* загнули, вдругъ приказъ:
Снимать не медленно палатки!
Приказъ исполненъ въ тишинѣ;
Богажъ уложенъ, цѣпи сняты;
Въ строю расчитаны солдаты,
И всадникъ въ буркѣ на конѣ....
Походъ. Маршъ, маршъ по отдѣленьямъ!
Развились лентой козаки,
И съ непонятнымъ впечатлѣньемъ
Безмолвно тронулись полки....
Зарядъ на полкѣ, всё готово!...
На сердцѣ дума: вѣрно въ бой!..
Но вопросительнаго слова
Не знаетъ Русской рядовой!
Онъ знаетъ: съ нами Вельяминовъ!
И вѣритъ счастливой звѣздѣ!
Отрядъ покорныхъ исполиновъ
Ему сопутствуетъ вездѣ.
Онъ зналъ его давно по слуху,
Давно въ лице его узналъ!...
Такъ передать отважность духу
Умѣетъ горскій Аннибалъ!..
Онъ нашъ, онъ сладостной надеждѣ

Своихъ друзей не измѣнилъ,
Его въ грозу войны, какъ прежде,
Намъ добрый геній подарилъ!
Смотрите, вотъ любимый славой!
Его высокое чело
Всегда безъ гордости свѣтло,
Всегда безъ гнѣва величаво!..
Рисуютъ тихо думы слѣдъ
Его пронзительные взоры....
Достойный видъ въ нихъ привѣтъ,
Ничтожный — чести приговоры!...
Онъ этимъ взоромъ говоритъ,
Живитъ, терзаетъ и казнитъ.....
Онъ любитъ дѣло, а не слово....
Съ душою доброю — онъ строгъ!..
Судья прямой, но несуровой,
Безстрастно взыщетъ онъ за долгъ;
За чувство истинной пріязни
Онъ платитъ ласкою отца,
Никто изъ рабственной боязни
Не избѣгалъ его лица.
Всегда одинъ, всегда покоенъ,
Походомъ, въ станѣ предъ огнемъ
Съ замерзлымъ усомъ и ружьёмъ

Нерѣдко грѣется съ нимъ воинъ. . . .
Кудажь походъ во тьмѣ ночной ?
. . . .
Его отвѣтъ всегда простой :
»Куда ведетъ васъ барабанщикъ ? . . . . «

Но мы не первый разъ въ горахъ !
Ведетъ въ Внезапную дорога ,
Отъ ней въ двенадцати верстахъ
Аулъ. Мы знаемъ гдѣ тревога !
Идёмъ. Ужь полночь. Огоньки
Съ высотъ твердыни замелькали
По камнямъ рѣчки Козаки
Съ главой дружины проскакали ,
За ними въ слѣдъ полки впередъ ,
Артиллеристы на лафеты . . .
Патроны вверхъ , полураздѣты,
Ногой привычною мы въ бродъ.
Вотъ на горѣ передъ ауломъ . . . .
»Впередъ ! « А ! вѣрно на Сулакъ ?
Перелилось болтливымъ гуломъ.
Вѣдь говорилъ же намъ Козакъ ? —

Давноль, разставшись съ Дагестаномъ,
На этомъ мѣстѣ, о друзья,
Наскуча длиннымъ Рамазаномъ,
Байрамъ веселый встрѣтилъ я?
Тогда всё пѣло беззаботно
Въ деревнѣ счастливыхъ Татаръ,
Въ то время Русскіе охотно
Желали видѣть ихъ базаръ.
Мирной Чеченецъ, Кабардинецъ,
Кумыкъ, Лезгинъ, Койсубулинецъ,
И Персіянинъ, и Еврей,
Забывъ вражду своихъ обрядовъ,
Пестрѣли здѣсь, какъ у друзей,
Красою праздничныхъ нарядовъ.
Въ толпѣ Андреевцевъ, Жидовъ,
Смотря на разныя проказы,
Кто не купилъ себѣ обновъ
Тогда на лишнія абазы?
Одинъ съ ружьёмъ приходитъ въ станъ,
Другой подъ буркою мохнатой,
Тотъ шашкой хвалится богатой,
А этотъ кажетъ ятаганъ.
Всего такъ много, такъ довольно,
Товаръ Востока на лицо,

И, признаюсь, меня невольно
Плѣнило горское кольцо
И трубка, ахъ! какая трубка?
Её разбила у меня
Потомъ невинное дитя,
Одна дѣвчонка душегубка!
Но, вѣрьте, я не пропущу
Смѣшной капризъ такого роду —
И по пятнадцатому году
Шалуньѣ славно отомщу....
Теперь гдѣ лица, гдѣ наряды?
Гдѣ разноцвѣтный ихъ базаръ?
Нигдѣ задумчивые взгляды
Не встрѣтятъ ласковыхъ Татаръ!
Разбойникъ яростный въ пустыню
Торговый городъ обратилъ,
И беззаконную гордыню
На пеплѣ саклей водворилъ.
Одни потомки Авраама
Покорны Русскому мечу,
И въ укрѣпленьяхъ Ташкичу
Ждутъ смѣло новаго Байрама.

Верхи Андреевой горы
Давно сокрылись для отряда,
Яснѣй туманная громада,
Сырѣе влажные пары.
Долина глухо вторитъ топотъ
Шаговъ фаланги боевой,
И зашумѣлъ передъ зарёй
Волны Кой-су протяжный ропотъ.
Вотъ прояснился небосклонъ!
Рѣка вблизи. На берегъ прямо
Кавалерійскій легіонъ
Коней изпуганныхъ упрямо
Торопитъ въ воду. Залпъ огней
Раздался вдругъ изъ камышей . . .
Покойно, тихо, безъ отвѣта
На ласку вражьяго привѣта
Плывутъ и ѣдутъ козаки . . . .
Вторичный залпъ . . . Опять молчанье . . .
Въ волнахъ разлившейся рѣки
И гулъ, и крикъ, и коней ржанье!
Вода свирѣпствуетъ, кипитъ,
Буграми въ ратъ отважныхъ хлещетъ,
Товарищь всадника трепещетъ,
И леденѣетъ, и храпитъ . . . .

Вздымая морду другъ решивый
Въ стихіи грозной тонетъ съ гривой,
Дрожитъ, колеблется какъ чёлнъ,
Несётъ завѣтнаго рубаку,
Или, предавшись злобѣ волнъ,
Безсильный, мчится по Сулаку . . . . .
Но солнце блещетъ въ вышинѣ,
И Русской пушки гулъ мятежный
Гласитъ на вражьей сторонѣ
Чиръ - Юрта жребій неизбѣжный!

Вотъ онъ, отважнѣйшій въ горахъ,
Какъ Голіафъ неодолимой,
Стоитъ въ красѣ необозримой
На дикихъ каменныхъ скалахъ!
Возникшій въ ужасахъ природы,
Надмѣнный крѣпостью своей,
Онъ вѣчный воинъ мятежей
И стражъ разбойничьей свободы!
На зло примѣрной добротѣ,
Вассалъ и другъ неблагодарный,
Какъ часто въ наглой чернотѣ
Питалъ онъ замыселъ коварный!

Острилъ убійственный кинжалъ
На благодѣтельную руку,
И ей же съ робостью ввѣрялъ
Свою измѣну, жизнь и муку!
Но онъ придетъ сей лютый часъ!
Злодѣй проснется безъ отрады,
И будетъ тщетно скорбный гласъ
Просить отверженной пощады!...

О, какъ безумна, какъ дерзка
Неустрашимость смѣльчака!..
Онъ презираетъ наши пули,
Смѣясь, готовится къ войнѣ,
И между тѣмъ въ его аулѣ
Дымятся сакли въ тишинѣ!....
Когда жена его и дѣти
Стремятся въ ужасѣ къ мечети
И въ прахѣ льютъ потоки слёзъ,
Кичливый варваръ съ небреженьемъ
Даритъ ихъ ложнымъ утѣшеньемъ,
Иль взоромъ гнѣва и угрозъ!

Слѣпецъ, увѣренный тираномъ
Въ своей надеждѣ роковой,
Клялся торжественно Кораномъ,
Мечемъ и бритой головой
Спасти могилы Правовѣрныхъ
Отъ поруганія собакъ,
И кровью воиновъ невѣрныхъ
Насытить яростный Сулакъ!
Но не преступнаго Вассала
На жертву Русскому обрёкъ
Святой губитель ихъ Пророкъ;
О, нѣтъ! и подданныхъ Шамхала,
Мятежныхъ жителей Тарковъ
И Маюртупскихъ бѣглецовъ
Онъ здѣсь собралъ для истребленья!
И я клянусь своимъ ружьёмъ:
Козы—Мулла съ большимъ умомъ
И въ правѣ требовать почтенья!
Его призывный къ брани кличь
Всегда злодѣямъ новый бичь!

Смотрите, вотъ они толпами
Съѣзжаютъ медленно съ холмовъ

И разстилаются роями
Передъ отрядомъ козаковъ.
Смотрите, какъ Тавлинецъ ловкой,
Одинъ, на выстрѣлъ боевой
Летитъ, грозя надъ головой
Своей блестящею винтовкой!
Съ коня далой — ударъ! и въ мигъ
Опять въ сѣдлѣ, стрѣляетъ снова,
Къ лукѣ узорчатой приникъ,
И нѣтъ наѣздника лихова!
Вотъ двое пѣшихъ за бугромъ....
На сошки ружья, приложились...
Три пули свиснули кругомъ....
Они отвѣтили и — скрылись!

Но пусть картечью и ядромъ
Пугаютъ робкихъ! Что задума
У Полководца на челѣ?
Среди Сулака, на сѣдлѣ

Взираетъ мрачно и угрюмо
На переправу Генералъ.
По грудь въ водѣ, рука съ рукою,
Невѣрной, шаткою ногою
Пѣхотный сонмъ переступалъ;
Рѣка, какъ адъ съ отверзтымъ зѣвомъ,
Крутя валы съ ужаснымъ ревомъ,
Твердыню храбрыхъ облила;
За каждый шагъ — назадъ, стѣною
Дружину съ ношей боевою
Волна свирѣпая гнала.....
Собравъ измученныя силы,
Безъ словъ, но съ бодрою душой,
Они встрѣчаютъ мракъ могилы
И образъ смерти предъ собой!
Одинъ упалъ, другой слабѣетъ...
Шатнулся, палъ... и въ цѣлой ростъ!
На помощь кони: тотъ за хвостъ,
Другой на гривѣ цѣпенѣетъ!
Нырятотъ сабли и штыки,
Несутся пушки съ лошадями;
Летаетъ гибель надъ главами —
Идутъ безтрепетно полки!...

Всегда задумчивый, глубокой
Цѣнитель сердца и людей,
Но, затаивъ въ душѣ высокой
Волненье чувства и страстей,
Не измѣня чела и взора,
Онъ вдругъ рѣшается: »назадъ!«
Онъ рекъ — и силу приговора
Покорно выполнилъ отрядъ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Да будетъ проклятъ злополучный,
Который первый ощутилъ
Мученья зависти докучной:
Онъ первый брата умертвилъ!
Да будетъ проклятъ нечестивый,
Извлекшій первый мечъ войны
На тѣ блаженныя страны,
Гдѣ жилъ народъ миролюбивый! . . . «

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Печальный геній падшихъ царствъ,
Великой истины свидѣтель,
Законъ и мечь! Вотъ добродѣтель!
Единый мечь — душа коварствъ!
Доколь они въ союзѣ оба,
Дотоль свободенъ человѣкъ! . .
Закона нѣтъ, проснулась злоба,
И мечь права его разсѣкъ!

Вотъ корень жизни безначальной!
Вотъ бичь любимый сатаны! . .
Вина разбоя и войны,
Кавказа факелъ погребальный! . . .
И ты сей жребій испыталъ,
Чиръ-Юртъ отважный, непокорный!
Ты грозно бился, грозно палъ
Съ твоей гордынею упорной!

О, какъ ужасно разлилось
Меча губительнаго мщенье! . . .
Какъ громко, страшно раздалось
Въ туманахъ горъ твое паденье!
И часъ пробилъ! Чиръ - Юрта нѣтъ!
Въ стѣнахъ Чиръ - Юрта сынъ побѣдъ,
Огонь, гроза и разрушенье! . . .

Толпа враговъ изъ далека,
Взирала съ радостью шумной
На отступленіе врага.
Оно надеждою безумной
Питало ярость смѣльчака;
Оно вѣщало суевѣрнымъ
Опредѣленіе небесъ:
»Самъ рокъ противится невѣрнымъ
И Гяуръ мстительный исчезъ!«
Сильнѣй отвага горделивца,
Спѣсивѣй варварская честь,
И мчитъ по саклямъ кровопійца
Никѣмъ неслыханную вѣсть!

Какой восторгъ и изумленье
И женъ, и старцевъ, и дѣтей!
Какое бурное волненье
Среди народныхъ площадей.
»Я здѣсь, рабы мои! Я съ вами!
Вѣщаетъ гласъ среди толпы,
Я вамъ безгрѣшными устами
Открою таинства судьбы!
Какъ волны моря отъ гранита
Отъ васъ отхлынули враги;
Но сила дивная рѣки
Была небесная защита!
Внимайте мнѣ: придутъ полки,
Придутъ сюда за палачами,
И мечь невидимой руки
Сразитъ ихъ вашими мечами!
Молите Бога! Сильный Богъ
Пріемлетъ теплыя молитвы;
Но для неправедныхъ жестокъ
И страшенъ онъ на полѣ битвы!....«
— Исчезни рабственный позоръ!
Завыли грозно изувѣры,
Умрёмъ за вольность нашихъ горъ,
За край родной, за святость вѣры! —

Чей гласъ таинственный вѣщалъ
Слова коварства и обмана?...
Кто имя Бога призывалъ?
Мятежникъ горъ и Дагестана!
Но гдѣ отрядъ? Уже ли онъ
Съ своимъ вождемъ не занятъ славой?
Ужель пророкомъ осуждёнъ
Онъ вѣчно быть надъ переправой?
И уготовитъ наконецъ
Себѣ страдальческій вѣнецъ
За пиръ послѣдній и кровавый,
Который дать желаетъ намъ
Въ угодность бритымъ головамъ?...

О горе, горе! по Сулаку
Вблизи отысканъ новый бродъ,
И вождь на гибельную драку
Проклятыхъ Гяуровъ ведётъ!
»Бѣда!.. Помилуй, ради Бога!
Чего ты хочешь Генералъ?...
Пророкъ шутить не будетъ много,
Онъ насъ повѣсить обѣщалъ!

Пропали мы, пропали гуртомъ!
Но онъ не слышетъ, онъ идетъ.....
И что за чудо? Весь народъ
Живой явился подъ Чиръ-Юртомъ!«

Простите, милые друзья,
Когда за важностью разсказа
Всегда родится у меня,
Не кстати шутка и проказа!
Ей ей, не знаю почему
Я своевольничать охотникъ,
И, признаюсь вамъ, не работникъ
Ученой скукѣ и уму!
Мнѣ дума вольная дороже
Гарема свѣтлаго Паши;
Или почти одно и тоже
Она душа моей души.
Боюсь, какъ смерти, разныхъ правилъ,
Которыхъ впрочемъ, по нуждѣ
Въ моральной жизни и въ бѣдѣ
Благоразумно не оставилъ;

Но правилъ тяжкаго ума,
Но правилъ чтенья и письма
Я не терплю, я ненавижу
И, что забавнѣе всего,
Не видѣлъ прежде и не вижу
Большой утраты отъ того.
Я трату съ пользою изчислю,
И вотъ что послѣ вывожу:
Когда пишу, тогда я мыслю,
Когда я мыслю, то пишу....
Скажи же, милый мой читатель,
И равнодушный судія —
Ужель я долженъ, какъ писатель,
Измучить скукою себя?...
Уже ли день и ночь для славы
Я долженъ голову ломать;
А для младенческой забавы
И двухъ стиховъ не написать?..
Мы всѣ, младенцы пожилые,
Смѣшнѣе маленькихъ ребятъ,
И вѣрь: за шалости бранятъ
Одни лишь глупые и злые.

Всё тихо въ лагерѣ ночномъ!
Къ землѣ приникнувъ головою,
Съ своимъ хранителемъ ружьёмъ
Приноситъ Русской дань покою.
Питомецъ Сѣвера и льдовъ,
Не зная прихоти и нѣги,
Вездѣ завидные ночлеги
Себѣ находитъ у враговъ.
И сонъ угрюмый надъ ауломъ
Летаетъ съ образомъ луны;
Одна рѣка протяжнымъ гуломъ
Тревожитъ царство тишины.
О сонъ лукавый, сонъ опасный,
Товарищъ думы и тоски!
Тебя привѣтствуютъ напрасно
Сіи мятежные враги!...
Отрады сладкаго забвенья
Всегда чуждается злодѣй,
И ты крыломъ успокоенья
Съ подругой сердца и ночей
Не осѣнишь его очей!
Увы! печальна, одинока,
Съ душевной бурей на челѣ,
Какъ жертва крови и порока,

Таится бѣдная во мглѣ!
Она изполнена боязни,
Для ней погибъ надежды лучь:
Ей свѣтлый день за ризой тучь
Предвѣстникъ гибели и казни!...
А онъ, убійца юныхъ дней
Подруги сердца и ночей,
Межь тѣмъ, безсонный, на кинжалѣ
Лежитъ въ разбойничьемъ завалѣ!

Но вотъ ужь ранняя звѣзда
Въ пустыняхъ неба показалась;
Волнистой тѣнью нагота
Полей и горъ обрисовалось.
Ударилъ звонкій барабанъ;
Завыла пушка вѣстовая,
И полунощный великанъ
Возсталъ какъ туча громовая!
Молитва къ Богу, мечь во длань,
И за начальникомъ отряда
Толпой безстрашною на брань
Валитъ безмолвная громада.

Пѣвецъ Гюльнары! для чего
Въ избыткѣ сердца моего,
Въ порывахъ сильныхъ впечатлѣній,
На зло природѣ и судьбѣ,
Зачѣмъ неравенъ я тебѣ
Волшебнымъ даромъ пѣснопѣній?
Тогда бы кистію твоей,
Всегда живой и благородной,
Я тронулъ съ гордостью свободной
Сердца холодныя людей!
Тогда, владыка величавый
Перуна, гибели и зла,
Изобразилъ бы я дѣла
Войны жестокой и кровавой!...
Отважный приступъ Христіанъ,
Злодѣевъ яростную встрѣчу,
Орудій громъ, пальбу и сѣчу,
И смерть, и кровь, и трепетъ ранъ.
Изобразилъ бы я страданье
Полуживаго мертвеца....
И жилъ и членовъ содраганье,
Его послѣднее дыханье
И чувства мертваго лица!...
Но ты, пѣвецъ души и чувства,

Умѣя смертныхъ презирать,
Ты намъ не передалъ искусства
Умы и души волновать!..
Какъ непонятное явленье
Исчезло міра изумленье:
Великій Геній и Поэтъ!...
Осиротѣвшая природа
И новой Греціи свобода
Вѣщаютъ вамъ: Байрона нѣтъ!..
. . . .
. . . .

Недолго воины Москвы
Своихъ враговъ искали вы!
На заповѣданной молитвѣ,
Съ ружьёмъ и шашкою въ рукахъ
Вы ихъ узнали на холмахъ,
Давно готовыхъ къ лютой битвѣ.
Свинецъ летучій, разсыпной
Встрѣчаетъ ратъ передовую,

И первый разъ въ толпу лихую
Направленъ меткою рукой
Ударъ картечи боевой....
И разлетѣлся съ рокотаньемъ
Зарядъ чугуннаго жерла,
И Салатовецъ съ содраганьемъ
Бѣжитъ до новаго холма....
Засѣлъ. Проходитъ ополченье.
Кремни стучатъ, ядро свиститъ...
Защита... натискъ... отраженье...
Злодѣй разсѣянъ и бѣжитъ!

Отрядъ идетъ густой колонной;
Но на пути большой оврагъ,
Кругомъ завалы; злобный врагъ
Изъ за утесовъ пѣшій, конный
Стрѣляетъ въ цѣпь и въ козака.
На встрѣчу гулъ единорога,
Картечи, ядры въ смѣльчака —
И снова чистая дорога.

Линейный всадникъ впереди,
Усачь съ крестами на груди,
Отважный Зассъ его главою,
Всегда въ виду, всегда въ огнѣ,
Подъ нимъ летаетъ конь Гусарской;
Передъ полками Князь Черкасской
И Полководецъ на конѣ.
Земля трясется; тучи дыма,
Жужжанье пули, свистъ ядра,
И штыкъ, и сабли, и ура
Приводятъ въ трепетъ Мизраима.
Онъ уступаетъ чудесамъ,
Клянетъ открытое сраженье,
И, угрожая въ отступленьи,
Спѣшитъ къ заваламъ и стѣнамъ.

Искусство, сила и природа
Слились, казалось, за одно
Въ защиту дикаго народа:
И рвы, и насыпь, и бревно,
И неприступными рядами,
Какъ время вѣчныя скалы.

6

Надъ ними вьются временами
Одни свирѣпые орлы,
И съ алчнымъ крикомъ облетая
Въ глуби туманной вышины
Чиръ-Юртъ и горы Балтугая,
Невольно въ жителей страны
Вдыхаютъ ужасы войны.
Тамъ, укрѣпясь ожесточеньемъ,
Засѣли бодрые враги
И ожидали съ пебреженьемъ
Иноплеменные полки.
И вотъ они передъ врагами
Съ своими страшными громами
Идутъ непрепетной грядой;
Питомцы хищнаго разбоя
Огонь открыли роковой,
И зашумѣла надъ стѣной
Гроза рѣшительнаго боя.

Не видно болѣе въ дыму
Ни скалъ, ни воиновъ аула;
Въ тревогѣ приступа, въ шуму,
Въ разкатахъ пушечнаго гула

Не слышно голоса вождя;
Но онъ повсюду, вождь упрямый:
Иди впередъ, кидайся прямо
Въ огонь свинцоваго дождя —
Онъ тамъ, покойный, величавый;
Онъ видитъ всё, его рука
Вамъ указуетъ и врага,
И путь давно знакомой славы!
Смотрите: вотъ бросаетъ онъ
Стрѣлковъ Бутырскихъ батальонъ
Съ крутаго берега Сулака!
Пока у варваровъ кипитъ
Съ бойцами Егерьскими драка,
Стрѣлокъ отважный поспѣшитъ
Тропой невидимой къ оплоту —
И врагъ, противной стороной,
Увидитъ вдругъ передъ собой
Неотразимую пѣхоту.

Но бой сильнѣе! Вотъ ядро
Разбило твердое ребро
Полугранитнаго завала....
И изумился суевѣръ!

Неустрашимый офицеръ ,
Покорный волѣ Генерала ,
Взлетаетъ съ скоростью ядра
На вышину другой защиты ,
За нимъ друзья его . . . . ура !
Толпы неистовыя сбиты !
И — на завалѣ ятаганъ
И разогнутый алкоранъ !

Какое гибельное море
На осажденныхъ пролилось !
И громъ , и трескъ , и горе , горе :
Велѣнье Мощнаго сбылось !
Бутырцы въ схваткѣ рукопашной
На опрокинутой стѣнѣ ;
Московецъ , Егерь тучей страшной
На новой сбитой сторонѣ;
Визжатъ картечи , ядра , пули
Катятся камни и тѣла ,
Гремитъ ужасное : Алла !
И пушка Русская въ аулѣ ! . . . .

Кто проникалъ въ сердца людей
Съ глубокимъ чувствомъ изученья;
Кто знаетъ бури, потрясенья —
Слѣды печальные страстей;
Кто изпыталъ въ коварной жизни
Ея тоску и мятежи,
И послѣ слышалъ укоризны
Во глубинѣ своей души;
Кому знакомы месть и злоба —
Ума и совѣсти раздоръ —
И наконецъ при дверяхъ гроба
Уничиженія позоръ;
Кого обманывалъ стократно
Невѣрный счастья идеалъ;
Кто всё ужасно, невозвратно
Въ безумствѣ жалкомъ потерялъ;
Кто силой опыта измѣрилъ
Земнаго блага суеты....
Тому бъ страдальцу я повѣрилъ
Мои унылыя мечты,
Мой умъ, мой духъ, воображенье,
Подъ залпомъ тысячей громовъ,
На трупахъ Русскихъ и враговъ,
На страшномъ мѣстѣ пораженья!..

Но, ахъ! въ убійственной глуши
Едваль я самъ не безъ души!...

Всё истребляетъ, бьетъ и губитъ
Вездѣ бѣгущаго врага;
Его безпамятнаго рубитъ
Кинжалъ и шашка Козака.
Жестокой местію пылая
Въ бою послѣднемъ, роковомъ
Его пѣхота удалая
Сражаетъ пулей и штыкомъ.
Дитя безумнаго мечтанья,
Надежда храбрыхъ умерла,
И падшей гордости стенанья
Съ собой въ могилу унесла.
Бѣжитъ злодѣй, несомый страхомъ,
За нимъ летучая гроза,
И смерти лютая коса
Съ своимъ безжалостнымъ размахомъ.
Въ домахъ, по стогнамъ площадей,
Въ изгибахъ улицъ отдаленныхъ
Слѣды печальные смертей
И груды тѣлъ окровавленныхъ.

Неумолимая рука
Не знаетъ строгаго разбора:
Она разитъ безъ приговора
Съ невинной дѣвой старика
И беззащитнаго младенца;
Ей ненавистна кровь Чеченца,
Христовой вѣры палача —
И блещетъ лязвее меча!

Какъ великанъ объятый думой,
Окрестъ себя внимая гулъ,
Стоитъ громадою угрюмой
Обезоруженный аулъ.
Бойницы, камни, и твердыни,
И длинныхъ скалъ огромный рядъ,
Надежный щитъ его гордыни,
Предъ нимъ повержены лежатъ.
Ихъ оросили кровью черной
Его могучіе сыны,
И не подниметъ вѣтеръ горной
Красы погибшей стороны:
Оборонительной стѣны
И стражей воли непокорной!...

И всё въ уныніи кругомъ!
Его судья, властитель новый,
Въ ущелья горъ за бѣглецомъ
Теперь несётъ ударъ громовый!...

Не воинъ, клявшійся Аллой
Разсѣять сонмъ иноплеменной,
Не воинъ битвы дерзновенной,
Отважный духомъ и рукой,
Полуразсѣянный, разбитый,
Но вѣчно грозный для врага,
Всегда готовый для защиты,
Бѣжитъ, грозя издалека
Побѣдоносному Герою,
И вдругъ нежданный перевѣсъ
Даётъ отчаянному бою.
Нѣтъ, воинъ ярости исчезъ
Съ своею клятвой на завалѣ;
Столпы Чиръ-Юртскіе упали
Съ утратой славы Музульманъ,
И лютой мести ураганъ

Вился надъ робкими душами,
Въ огнѣ потерянныхъ головъ,
Надъ беззащитными руками
Обыкновенныхъ бѣглецовъ . . .
Не тратьте лишняго заряда
Рои крылатые стрѣлковъ,
Для очарованнаго стада
Довольно сабли и штыковъ!
Холмы, утесы и стремнины,
Всё непріязненному путь;
Но въ слѣдъ за нимъ — повсюду грудь
И мечь торжественной дружины . . .
За ней отчаянье и стонъ,
И кровь, и смерть со всѣхъ сторонъ!

Между крутыми берегами,
Всегда обмытыми водой,
Шумитъ кипучими валами
Кой-су туманный и сѣдой.
Противникъ вѣчный Русской силы
Въ холодной сферѣ глубины
Не разъ готовилъ онъ могилы

Дѣтямъ полночной стороны.
Неукротимый и суровой,
Недавно съ яростію новой
Онъ ополчался на коней
И смѣлыхъ воиновъ Завѣта,
Когда толпа богатырей
На бранный берегъ Магомета
Вносила тысячу смертей.
Еще подъ каменной скалою,
Привязанъ счастливый челнокъ,
На коемъ раннею порою
Вчера пронесся лжепророкъ.
Съ какою радостію бурной
Волною свѣтлой и лазурной
Онъ лобызалъ его края,
Дарилъ, какъ вѣтеръ, легкимъ бѣгомъ,
И силу дивную тая,
Остановилъ его подъ брегомъ.
Теперь кипучею волной,
Сражаясь съ черными скалами,
Опять шумитъ подъ берегами
Кой-су туманный и сѣдой.

Уста коварнаго пророка
Вѣщали гибель и обманъ,
И обратились силы рока
На суевѣрныхъ Музульманъ.
Но что за крикъ, и шумъ, и грохотъ
Отъ стѣнъ Чиръ-Юрта по горамъ,
И пули визгъ и конской топотъ
Гласятъ чудесное волнамъ?
Вотъ ближе, ближе! Подъ скалами
Кой-су не плещетъ, не шумитъ;
Потомокъ Каина толпами
На берегъ въ ужасѣ спѣшитъ.
Кой-су кипитъ, вздымаетъ волны,
Горами хлещетъ въ крутизну,
И воинъ бритый, пѣшій, конный
Стремглавъ слетаетъ въ глубину!
За нимъ картечи!... Воютъ, стонутъ
Плывутъ мятежно, бьются, тонутъ
Сыны отчаянья и зла....
Спаси ихъ, праведный Алла!

О кто, свирѣпою душою
Войну и гибель полюбя,

Равнина бранная, тебя
Обмылъ кровавою росою?
Кто по утесамъ и холмамъ
На радость демонамъ и аду,
На пиръ шакаламъ и орламъ
Разсѣялъ ратную громаду?
Какой земли, какой страны
Герои падшіе войны?
Всё тихо, мертво надъ волною;
Туманъ и миръ на берегахъ;
Чиръ-Юртъ съ поникшею главою
Стоитъ уныло на скалахъ.
Вокругъ его, на полѣ брани
Чернѣетъ дыму полоса,
И смерти алчная коса
Збираетъ горестныя дани!...

Приди сюда, о мизантропъ,
Приди сюда въ мечтаньяхъ злобныхъ
Услышать вопль, увидѣть гробъ
Тебѣ немилыхъ, но подобныхъ!

Взгляни, наперсникъ сатаны,
Самоотверженный убійца,
На эти трупы, эти лица,
Добычу яростной войны! . . .
Не зришь ли ты на нихъ печати
Перста невидимой руки,
Запечатлѣвшей стонъ проклятій
Въ устахъ страданья и тоски? . . .
Смотри на мглу ужасной ночи
Въ ея печальной тишинѣ,
На закатившіяся очи
Въ полубагровой пеленѣ . . .
За полчаса ихъ оживляла
Безумной ярости мечта;
Но пуля смерти завизжала —
Въ очахъ суровыхъ темнота!
Взгляни сюда, на эту руку,
Она дѣлила до конца
Ожесточеніе и муку
Ядромъ убитаго бойца!
Обезображанные персты
Жестокой болью сведены,
Окаменѣлые—отверзты,
Какъ лёдъ Сибирской холодны!

Вотъ умирающаго трепетъ:
Съ кровавымъ черепомъ старикъ . . .
Еще издалъ протяжный лепетъ
Его коснѣющій языкъ . . .
Лучъ жизни вѣетъ и проснулся
Въ мозгу разсѣченной главы . . .
Чернѣетъ . . . вздрогнулъ . . . протянулся —
И нѣтъ поклонника Аллы !

Повсюду жертвою погони ,
Во прахѣ всадники , и кони ,
И нагруженныя арбы ,
И побѣдителямъ на долю
Вездѣ разсѣяны по полю
Мятежной робости дары :
Кинжалы , шашки , пистолеты ,
Парчи узорныя , браслеты
И драгоцѣнные ковры.

Чрезъ долы, холмы и стремнины
Съ челомъ отваги боевой
Идутъ торжественной тропой
Къ аулу Русскія дружины.
За ними въ слѣдъ игра судьбы,
Между гранеными штыками
Влачатся грустными толпами
Иноплеменные рабы.

Возставъ надъ вѣчною могилой
Въ послѣдній разъ издалека
Чиръ-Юртъ пустынный и унылый
Встрѣчаетъ грознаго врага.
Сверкаетъ, пышетъ бурный пламень;
Утесы вторятъ трескъ и гулъ,
И указуютъ пеплъ и камень,
Гдѣ былъ разбойничій аулъ!

Когда воинственная лира,
Громовый звукъ печальныхъ струнъ,
Забудетъ битвы и перунъ
И возпоётъ отраду мира?
Или задумчивый пѣвецъ,
Обманутъ сладостною думой
Всегда печальной и угрюмой,
Найдетъ во браняхъ свой конецъ?

ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:			*Читай:*
Стран.	*Строк.*		
18	4	Непреступная	Неприступная
64	21	миръ	мíръ

